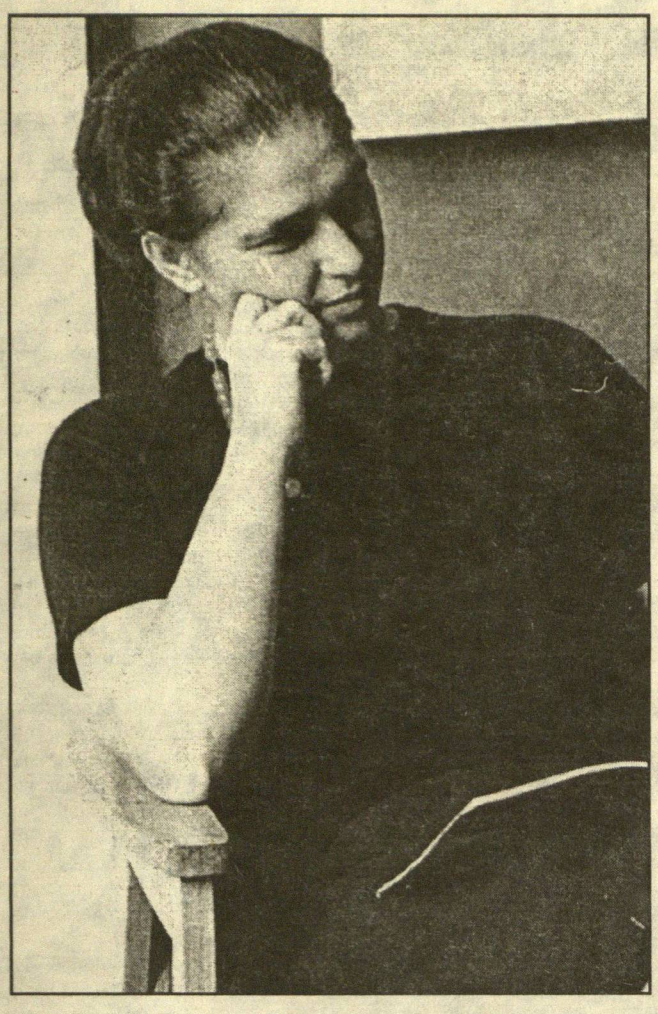

Какие годы, судьбы, лица!
Какой пленительный рассказ!
Тамара — книжная царица,
Вам надо низко поклониться
за все, что сделали для нас!

НА СНИМКЕ: Тамара Николаевна Шавельская, добрый гений и редактор книжного издательства, без которой был невозможен выпуск произведений прозы и поэзии Г. Шелеста, Г. Кобякова, Н. Ященко, Г. Граубина, В. Никонова, В. Лавринайтиса, В. Ляхницкого, С. Зарубина, А. Жамбалона, Н. Савостина, Р. Филиппова, В. Озолина, М. Вишнякова, Б. Макарова, Е. Стефанович и т.д. и т.д.

■

ЧИТА литературная

Вначале было Слово...

Литературно-художественное приложение к газете «Азия-Экспресс»

№ 10—11 Сентябрь—октябрь 1997 г.

Михаил Вишняков,
шеф-редактор

Рюрик Карасевич,
отв. секретарь

МЫ НЕ ОДИНОКИ НА ЗЕМЛЕ

Земля, подарившая миру хотя бы одного поэта, художника, композитора, артиста, деятеля культуры, всегда прекрасна и воспета. Порой диву даешься: почему такой отдаленный, суровый и не слишком просвещенный край, как наше Забайкалье, оставляет такой яркий, красочный и неповторимый след в культурной истории России.

Константин Паустовский когда-то писал: "Я не знаю, в чем очарование мест, связанных с памятью замечательных людей. Но оно бесспорно. В нем соединяются гордость за силу человеческого духа, пение стихов, доносящихся как бы из глубокой полевой дали, ясное ощущение, что время теряет в таких случаях свою разрушительную силу, что забвения нет. И, наконец, радостное сознание необыкновенного блеска и мужества мысли, оставленной нам в наследство прекрасными предшественниками и современниками".

Начиная с опального Аввакума, прошедшего ледяными дорогами Забайкалья, о чем он написал впоследствии в "Житии протопопа Аввакума" до Антона Чехова, посетившего наш край в конце XIX века и оставившего о нем прекрасные и вдохновенные строки; от интеллектуального величия Читы времен декабристов — историков, писателей, живописцев, музыкантов, ярчайших мыслителей своего времени до первого поэта Забайкалья Федора Бальдауфа и поэта-революционера Михаила Михайлова, до публициста и прозаика Александра Черкасова, чьими охотничьими книгами зачитывались Толстой, Некрасов, Тургенев, Брем; от бурной культурной жизни Читы времен ДВР, когда сверкали звезды Давида Бурлюка, Николая Асеева, Сергея Третьякова, Иосифа Уткина, художника Иннокентия Жукова, ученого Марка Азадовского, историка и путешественника Гомбожапа Цыбикова, молодого Александра Фадеева, застрявших в Чите Новикова-Прибоя, Скитальца, Гусева-Оренбургского, начинавших входить в ли-

(Окончание на 2 стр.).

СОЛОВЬИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

С легкой руки Ростислава Филиппова еще в 1965 г. в литературном обиходе появилось лестное звание "Первый соловей Забайкалья", которое поэты и читатели присваивали тому или иному автору. Правда, спорным оставался вопрос: кто был самым первым? В сегодняшнем юбилейном номере "ЧЛ" дает перекличку "соловьев" разных десятилетий. Пусть поют, пусть слышна песня и тех, кого уже нет с нами. Стихи-то остались как память, как выражение сыновней любви к нашей суровой и прекрасной земле.

Константин Седых

АРГУНЬ

(Отрывок)

Через выжженную Баргу,
сонной степью из лога в лог,
многоводно летит Аргунь
синей молнией на Восток.
Над ресницами тростника,
у зеленых проток реки
выстрел вскидывает в облака
уток шумные косяки.
Черногривые жеребцы —
первозданная красота! —
Скачут в дымные острецы,
в зацветающий краснотал.
Низко розовая полынь
полегла от овечьих стад.
Поднимают в когтях орлы
в синь каракулевых ягнят.
Степь в жару. Комары. Паут.
Неустанный литовок звяк.
Малярийную воду пьют
батраки из гнилых баклаг.
За копейки в степях глухих
заработанные тобой,
если громко попросишь их,
учинят тебе мордобой.
Два прыжка — и чужой цепник
черным ветром ударит в грудь,
и заржавленный дробовик
вскинут в сердце твое пальнуть
Жаркий, девственный чернозем,
желтый донник да ковыли.
Ни в какие века на нем
кущи райские не цвели.

1933 г.

Александр Колумбин

* * *

Вселенная сверкала
вся в росе,
Всходило солнце, тре-
петала зелень,
Дымились сопки, в молодом овсе
Тугие ветры весело звенели.
Лесной тропинкой парень шел домой.
Наверно, возвращался от любимой,
Мир замер перед ним, дрожа росой.
Во всей своей красе неповторимой.
Мир был его, а парень сам не свой,
Поскольку возвращался от любимой...
Черемух рой ласкал ему виски,
И он, как будто вспомнив про кого-то,
Он целовал им пальцы-лепестки
У каждого тропинки поворота.
Лесной тропинкой парень шел домой.

1962 г.

Юний Гольдман

* * *

Вдоль дороги деревьев
равненье.
А по ней, деловито шурша,
"Запорожец" с ручным управленьем
По асфальту бежит не спеша.
И машины на всех перекрестках —
Понимают они что к чему —
Чуть приглушат моторы и просто
Уступают дорогу ему...
А в глазах у шофера виденье:
За Днепром, у излуки речной,
Не машина с ручным управленьем —
Пулемет Дегтярева ручной...
И горячка неравного боя,
И эсесовской роты удар,
И полоска земли за тобою
С очень громким названьем —
плацдарм.
И свинцовой пургой запорошен,
Ты в окопе лежишь не дыша...
...С управленьем ручным "Запорожец"
По асфальту бежит не спеша.

Василий Никонов

В ПАРТИЗАНСКОМ ЛЕСУ

В партизанском лесу,
за Нерчою-рекой,
Умирал на снегу командир молодой.
Горевали бойцы, не горели костры,
Он лежал на руках медсестры.
Партизан окружил самурайский отряд,
Молчаливые сопки манили ребят,
Нет патронов у них,
замолчал пулемет,
Может, помощь откуда придет?
И сказал командир: "Умирать не хочу,
Унесите меня на родную Нерчу,
Там и дом, и семья, там невеста моя,
Там я раны свои залечу".
Им железной отваги хватило на всех,
Они шли на штыки,
молча падали в снег.
Ой, тяжел и горяч
самурайский свинец.
Неужели приходит конец?
Они все полегли, командир впереди.
Всем звезду вырезали
на мертвой груди.
Им и Шилка, и Нерчинск отсюда видны,
Да ослепли Отчизны сыны.
Но любая звезда, что в могилу легла,
Она тысячи новых на шапках зажгла.
И от прежних побед
и до нынешних дней
— Нет звезды для России родней!

Цыдып Жамбалов

КРЫЛЬЯ

Дальше телячьего
выгона ты не была.
Стелется степь — твоя вотчина.
Мерный, могучий
зов Хурмасты тебе слышен? Легка и
светла
тянешься ль ввысь?
Проплывают тяжелые тучи.
Радостный град тебя хлещет
по голой спине,
но, не почуяв тех крупных
стремительных градин,
ты поучаешь, как жить мне в родной
стороне.
Что ж, ты права. Ты — земля.
Я же — высью украден.
Мощью земли в небо выброшен,
слепо лечу.
Хватит полета мне.
Я приземлиться хочу.
Птица земная, зрячая птица —
любовь!
Бьется бурятская в птице
горячая кровь.
Мы с тобой, милая, — два еще
крепких крыла!
...Дальше телячьего выгона ты не
была.

1966 г.

60-ЛЕТИЮ ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ *посвящается...*

СОЛОВЬИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Ник. Савостин

* * *

Скованы железом и печалью,
Каторжники шли по Забайкалью.
В тишине тоскливой звон кандальный.
Дальний край, суровый, край опальный.
Шли здесь люди в ледяные дали
И сердцами солнце согревали.
Сколько здесь сердец таких томилось,
Сколько здесь сердец испепелилось!
Может, потому оно такое —
Солнце в Забайкалье золотое...

1953 г.

Георгий Граубин

ОХОТНИКИ

— Что ты, охотник, принес из тайги?
— Шкуру медведя, клыки кабарги.
— Ну а еще?
— Косача, глухаря.
— Значит, ты версты отмеривал зря.
Как твой товарищ?
— Вернулся пустым:
все любовался пейзажем лесным.
Белку — смешно! — не стрелял — рисовал,
нюхал пионы, подснежники рвал.
Щелкал на пленку оленей и коз...
— Вот кто с охоты богатство принес!

1965 г.

Вильям Озолин

ГРАММОФОН

Не помню:
когда и за сколько
был куплен в наш дом граммофон.
Был стар он поскольку–
постольку
варшавская старая полька
звучала в нем с давних времен.
Мальчишкой я был молчаливым,
но лишь граммофон оживал,
я с бабушкой польку игриво,
влюбленно, смущенно, счастливо! —
как с девочкою, танцевал!
Ах, как мы с ней жарко летали!
Сбивалась иголка с борозд!..
Военные вьюги хрипели!..
Казалось нам — с валенок
шпоры звенели
до самых полуночных звезд!
Охрипла труба. Отыграла
пластинка свой век золотой.
Война отлетела устало
с морозами, с болью, с бедой...
Но вдруг
среди школьного бала,
где люстры оркестр сотрясал,
я снова решился! —
как раньше бывало —
я с девочкой юной
средь шумного бала,
как с бабушкой, польку плясал!

1966 г.

Борис Макаров

ЗЕМЛЯНИКА

Светлый, веселый,
из маленьких бревнышек
маленький домик в апрельском лесу.
Маленький гномик,
прищурясь на солнышко,
из туеска допивает росу.
Два муравья паутинкой привязаны
к острой хвоинке — ну чем не плужок?
Вот и полсказки,
пожалуй, рассказано.
Все остальное — как в жизни, дружок.
Пахота. Сев. Ожиданье тревожное.
Руки у гномика в черной земле.
Теплое лето. Хорошие дождики.
И земляника — на нашем столе. 1983 г.

ПРОВИНЦИЯ МОЯ — РОССИЯ

Известный российский критик, литературовед, историк литературы, автор ряда книг и многочисленных публикаций в столичных и российских журналах. Живет в г. Пскове.

Валентин Курбатов,

специально для "Читы литературной"

Ящик опять пуст. И пусть как-то враждебно, словно писем не просто нет, а они насильно вырваны из него, и вот голое железо бьет по глазам. Молчат друзья по градам и весям родной русской провинции.

Оно, положим, письма-то и раньше не часты были, но приходил очередной номер журнала ("Новый мир", "Наш современник", "Москва"...), а там роман, повесть, очерк. И это было продолжение письма, развитие беседы, договаривание едва задетого. И ровно ничего не значило, что на конверте или внизу на последней странице повести или романа стояло Иркутск, или Овсянка, Курск или Краснодар. Это был дом, родина, Россия, милая общая жизнь.

Может быть, мы уже обманывали себя, но при всей обступающей темноте еще не чувствовали себя сиротами. У нас была литература — наша мысль, наше слово, наша душа. Наша речь, наконец. Вот это, кажется, было главным, хотя мы и не осознали этого: когда надо было высказать свое существенное и определяющее, мы еще могли снять с полки ту или иную из этих книг и сказать: вот! Мы потому и были уверены, что мир не спятит, что жили одним сердцем, одной книгой бытия и говорили одним языком. Мы были русский народ, в котором еще не было "ни эллина, ни иудея".

А потом случилось то, что случилось... И вот мы перекрикиваемся через пустоту, не находя успокоения и не обретая опоры, — каждый сам по себе, словно просыпались из Господней руки и упали кто куда — на камень, в дорожную пыль, в сорные травы и редко кто — в благодатную почву. Уже не народ, а вокзальное, ожидающее каждый своего поезда население. И теперь из атомного, броуновского, насильственного индивидуализма, из никуда не девшейся, но не собирающей, а далее и далее разводящей нас по своим, все более тесным гнездам ядовитой словесности и мы вдруг с ясной печалью, как невозвратное, видим, что держала нас и делала народом именно русская провинциальная литература. В Вологде ли, Красноярске, Чите, Иркутске, Новгороде, Краснодаре работали Астафьев и Распутин, Носов и Куренной, Балашов и Троепольский, Белов и Рубцов. И даже те, кто работал в Москве — Шукшин, Казаков, — разве Москвою были сильны, разве ее дусловье, в интонации, в песне и стоне родной литературы.

Мы потому и держались за свою литературу и искали в ней себя и своего, что и сами были дети земли и традиции, родной деревни и тургеневского и толстовского слова, которые вместе и были нашим кровом и нашей кровью. И были сильны и неделимы, пока не стыдились этого родства, пока умели разделить в себе провинцию здоровья и памяти от провинции передоновых и кабановых, провинцию бабушки Катерины Петровны от провинции "архаровцев".

... И вот почтовые ящики опустели, родные голоса умолкли, а журнальные страницы запестрели постмодернизмом и "капиталистическим реализмом", агрессивной столичной эстетической вторичностью и "зацвели все цветы" с удушливым запахом теплицы и ядовитой броскостью оранжереи. И нет покоя сердцу даже в храме, где каждое прошение ектеньи воспринимается так больно, будто мы впервые просим Господа "о мире всего мира, о соединении всех, о спасении от глада и губительства, от нашествия иноплеменных, от междоусобныя брани..."

Попросит осиротевшая душа подкрепления, возьмешь с полки дивных "Усвятских шлемоносцев" Носова или казаковскую "Свечеку" и с горечью остановишься — когда это было? на какой земле? мы ли это были? наше ли широкое любящее сердце? Где оно теперь?

Но слава Богу, русский человек не теряет голову надолго. И вытесняемая со столичных страниц провинция по новому сознает себя и выходит в новую дорогу, вспоминая традицию небольших журналов и альманахов. Она еще не явила сильных общерусских имен, нет для этого пока настоящего разбега, да и время кипит слишком нечистыми страстями, чтобы обрести старинно-уверенную интонацию, но родники расчищаются, и русла обретают границы, и течение становится сильнее и увереннее. Значит, дойдет и до рек. Куда мы от матери-то, а она все еще и у самых беспамятных одна — русская провинция. ■

МЫ НЕ ОДИНОКИ НА ЗЕМЛЕ

(Окончание. Начало на 1 стр.).

тературу Константина Седых, Иннокентия Луговского, Гавриила Кунгурова, первого эвенкийского поэта Никиты Сахарова — десятки и десятки блистательных для своей эпохи имен и оригинальных художественных творений.

Тридцатые годы, когда "звезды первой величины" покинули наш край по разным обстоятельствам, не остались не воспетыми. Начинается творчество Василия Балябина, Георгия Шелеста, Жамьяна Балданжабона, Николая Ященко, путешествуют по Забайкалью и пишут о нашей земле Павел Васильев и Джек Алтаузен, Иван Молчанов-Сибирский и Александр Жаров.

За последние 60 лет наш край поразил своей красотой и экзотикой природы, оригинальностью характеров и судеб многих крупнейших мастеров слова и кисти, приезжавших к нам и родившихся здесь. Театральная, музыкальная, художественная жизнь не затухала никогда. То, возвращаясь из эмиграции, дает концерт — первый на Родине концерт! — знаменитый Вертинский, то на конференцию писателей приезжает не менее знаменитый Твардовский, то проводится Читинский семинар молодых поэтов, прозаиков, драматургов, оставивший глубочайший след в развитии литературы Сибири и России (вспомним только два имени — Валентина Распутина и Александра Вампилова), то...

Здесь можно было оставить это многоточие, как знак будущей заполненности данного места новыми именами, нашими современниками, которых вспоила родниковая вода, голубое небо, неувядаемая красота забайкальской земли. Но в сегодняшнем номере, посвященном 60-летию образования области, мы обязаны сказать себе и читателям "Мы не одиноки на земле". Не одиноки, потому что все эти 60 лет рядом с нами горел духовный опыт, сияло художественное творчество нескольких поколений мастеров слова, начиная от покинувших нас Константина Седых и Василия Балябина до сегодняшних авторов стихов и рассказов, песен и картин, составляющих сложный, изменчивый "кастальский ключ" вдохновения, таланта и мастерства.

Родилась Читинская писательская организация осенью 1949-го. В проведении учредительской конференции принял самое горячее участие выдающийся поэт и общественный деятель Александр Твардовский. А командировал его в Читу руководитель Союза писателей СССР Александр Фадеев, чья боевая молодость в гражданскую войну прошла забайкальскими дорогами. Вместе с автором "Василия Теркина" в конференции участвовали Вл. Игишев, иркутяне Георгий Марков и Иннокентий Луговской (в годы войны — корреспонденты газеты "На боевом посту"), из Хабаровска приехал широко известный писатель Иван Машуков.

Созданное Читинское отделение Союза писателей СССР возглавил очеркист, драматург, прозаик, яркий организатор Борис Костюковский. Появились в печати первые произведения Бориса Костюковского, Оскара Хавкина, Олега Смирнова, Виктора Лавринайтиса, Василия Никонова, Арсалана Жамбалона, других авторов. Что ни год — новое имя! Сразу и надолго принял читатель книги актера по профессии Ильи Лаврова "Ночные сторожа", "Девочка и рябина". Нашли благодарный отклик повести Оскара Хавкина "Всегда вместе", "Месяц диких коз", "Моя Чалдонка", "Нилка", вышли стихотворные и прозаические книги Олега Смирнова и Ирины Гуро.

В Чите широко и ярко с выходом на всесоюзную арену раскрылся талант Виля Липатова: одна за другой выходили его повести, вызывавшие бурные дискуссии в столичной прессе: "Шестеро", "Капитан "Смелого", "Своя ноша не тянет", "Стрежень", "Юноша и машина", "Смерть Егора Сузуна", "Глухая мята". На всю страну "громыхнул" своим "Самородком" вернувшийся с Колымы Георгий Шелест.

Как-то сразу взяли столичный Олимп и стали заметным явлением в российской поэзии Николай Савостин и Георгий Граубин. Глубоким знатоком жизни и истории бурятского народа, его фольклорного наследия и современности проявил себя "багши Жамьян" — Жамьян Балданжабон, выпустивший книги "Тайны Алханая", "Беркут", "Голубые сопки". За ним, как за учителем, потянулись земляки-агинчане Арсалан Жамбалон и Цыдып Жамбалов.

Автор стихов и песен, нескольких повестей Василий Никонов удачно дебютировал и как романист — "Любовь остается с нами" читался широко и заинтересованно. О забайкальской тайге загадочно и взволнованно рассказал в повести "Падь золотая" и романе "Лесная быль" Виктор Лавринайтис. О войне, о земляках-забайкальцах написал серию книг "Путь разведчика", "Трубка снайпера", "Я люблю тебя, Мария" Сергей Зарубин. От рассказов и очерков на геологические темы пришел к роману-трилогии "Золотая пучина", "Алые росы", "Эхо тайги" геолог Владислав Ляхницкий.

В эти же годы как бы нашел второе дыхание известный еще с 20-х годов журналист и фельетонист Николай Ященко — он написал любимые детворой книги "Босоногая команда", "Искры не гаснут", "Журавли не знают покоя". Свое творческое лицо обрел поэт-офицер Юний Гольдман, выпустивший стихотворные сборники "Винтовки стоят в пирамиде" и "Мадьярский перекат". Журналист Григорий Кобяков стал писателем после выхода повести "Лирическая тетрадь" и романа "Кони пьют из Керулена".

Но самым главным литературным и общественным явлением 50–70-х годов стали книги Василия Ивановича Балябина, — густо населенные людьми, событиями, переплетением и столкновением судеб, характеров, времен. Это — романы "Голубая Аргунь" и знаменитые, в четырех томах "Забайкальцы". Выпущенные в Москве, в издательстве "Советский писатель", "Забайкальцы" на несколько десятилетий наряду с "Даурией" К. Седых стали настольными книгами и энциклопедией народной жизни Забайкалья эпохи революции и гражданской войны.

Хрущевская "оттепель", как землетрясение, содрогнула не только "столичное жерло", его толчки отозвались и в Сибири, на Всесоюзном совещании молодых писателей в Чите в 1965 году. Отца "оттепели" уже не было в Кремле, в "жерле" уже оседал угарный газ будущего застоя. Вдохнуть глоток свежего забайкальского воздуха вырвались в Читу Леонид Соболев, Антонина Коптяева, Сергей Наровчатов, Марк Соболь, Дмитрий Ковалев, Виктор Астафьев, Владимир Чивилихин, Исай Калашников, Михаил Львов, Юрий Рытхэу, многие другие поэты, прозаики, критики, издатели. Мастера литературы, конечно, понимали (это теперь очевидно), что "забайкальский гейзер" может быть последним горением свободного творчества, поиска истины, правды жизни, героического служения русской литературе.

А молодежь шумела, не зная чем — благословением судьбы или ее проклятием станет этот семинар? В. Распутин, А. Вампилов, В. Озолин, С. Иоффе, В. Шугаев, А. Гурулев, А. Щитов, Б. Лапин, Д. Сергеев, Ю. Самсонов, М. Асламов, Р. Солнцев, В. Колыхалов, В. Корнаков — около 100 будущих членов Союза писателей породил семинар. Читинцы "выставили" свою команду: прозаиков Е. Куренного и Г. Донца, поэтов Ц. Жамбалова и Р. Филиппова.

Отшумев и собрав "урожай", семинар завершился праздником книги "Забайкальская осень", ставшим впоследствии традиционным (написанное о нем в сибирской и столичной прессе может составить несколько томов).

Много воды утекло с тех пор в Москве-реке и Ингоде-реке...

Умер Балябин. Схоронили Донца. Убили Куренного. Ушел в коммерцию автор романа "Молодой Бояркин" талантливейший Саша Гордеев. Редко присылает стихи Слава Вьюнов. Где-то "бродит" по ковыльным степям "неуправляемый гений", поэт, которому "отгрыз палец" медведь, чадо русской и бурятской поэзии Виктор Балдоржиев. Из тюрьмы вернулся и запел о "тихой родине" Алешка Казанцев. Пришла телеграмма, что наш кыринский хлебороб Владимир Иннокентьевич Сажин принят в Союз писателей. А Алла Озорнина! А красивая, не познавшая горечи, но познавшая признание Вика Измайлова, а инвалид без ног Валентин Марков, а сквозь бред молодости пробивающийся Димка Бахаев, а еще будущие... неизвестные, которые составят честь и славу неувядаемой, неубиваемой, не подвластной никому, кроме Бога и Правды, изумительной литературы Забайкалья!

Имеем честь доложить Вам, читатели: такая земля не может быть не воспетой. Мы — не одиноки на земле! Были гиганты до нас, будут гиганты похлеще нас!

Спасибо, что были и Мы! ■

ШКАТУЛКА ТЕАТРАЛА

Его имя занесено в книгу рекордов Гиннеса. Он первый предсказал падение третьего Рейха и за его жизнь Гитлер объявил огромную награду. На Рейхстаге осталась надпись: "А Вольф не ошибся!" Ее написали поляки — воины, земляки мастера психологических опытов.

Три раза был Вольф Густавович в Чите на гастролях и как раз в 1974 году отмечали в Чите его 70-летие. Концерты проходили в ОДОСА. Собкор "Известий" Степан Троян организовал выезд на Никишиху, где нам посчастливилось пообщаться с ученым, артистом.

Через два года его не стало. Недавно в Москве отметили 90-летие легендарного ученого с мировым именем.

НА СНИМКЕ: Вольф Мессинг на отдыхе близ Никишихи.

Чита — 1974 г., май.

Текст и фото Светланы Сосновской.

ЧЕТЫРЕ ГЛАВЫ ДЛЯ ОДНОГО ГОЛОСА В ОПУСТЕВШЕМ ТЕАТРЕ

Николай Березин

(Продолжение. Начало в № 9)

Восьмой театральный сезон в Забайкалье. Уже восьмой! Удивительно быстро летит время. Кажется, совсем недавно ступил на трап в аэропорту Читы, опьянел от прекрасного чистого воздуха после химической Башкирии.

Что приобретено? Более 20 поставленных спектаклей, победы и неудачи, большая Забайкальская семья, прекрасный творческий коллектив, о каждом из которых можно, и, наверное нужно писать отдельную статью. Ощущаю в себе влюбленность в этот край и его людей.

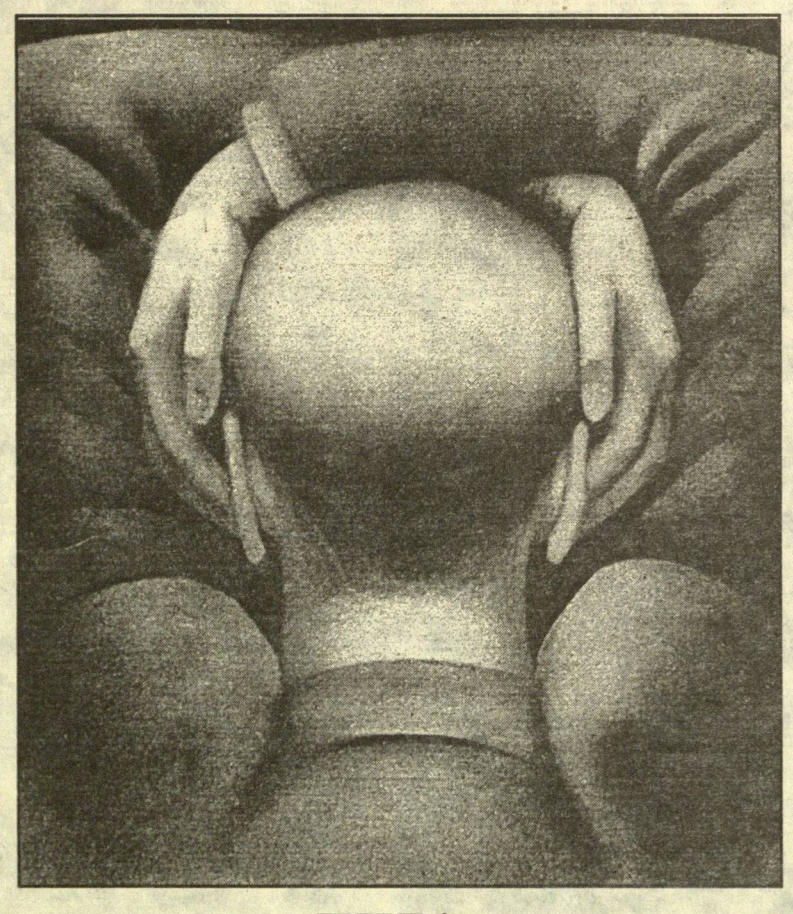
Потрясающую природу Забайкалья я видел во время гастрольных поездок театра. Истинное же потрясение произошло после поездки по отдаленным заставам, особенно после посещения в 1996 году Сахондинского заповедника. Как жаль, что не дано писательского таланта, чтобы описать ту красоту, которую я увидел, и тех людей, которые ей служат.

Пригласил нас замечательный специалист, фанатик своего дела — директор заповедника Виктор Иванович Линов. Мы — это небольшая группа артистов, корреспондентов, пограничников. Впервые в жизни я, как ужаленный, бежал от близкого рыка неизвестного мне животного, впервые в гостях у семьи, живущей в 100 км от ближайшего населенного пункта, ел домашний сыр и сметану. У этих людей нет телевизора, нет радиостанции, естественно нет магазинов, и их хозяйство — это их жизнь. Мне показалось что они счастливы. Я завидовал им и не завидовал одновременно. Я — человек городской и, вероятно, никогда бы не смог так жить. Но вот оторваться так от всего лишнего в этом мире, и посвятить свою жизнь только семье и любимому делу иногда хочется. А дело их весьма уважаемое — сохранность природы. И позавидовать их фанатизму действительно можно. Мы жили в настоящем зимовье, лазали по горам, ходили звериными тропами. Для меня, родившегося и выросшего в Москве, это было потрясающе. Зная, что профессиональный журналист готовит большой материал о Сохондинском заповеднике, оставлю ему подробности и описания.

Я счастлив, что в этом году был удостоен чести быть включенным в состав экспедиции "Ингода — Амур", посвященной 60-летию Читинской области. И опять ощущение влюбленности в дикую природу Шилки, в людей, которые были рядом. 450 километров на резиновых лодках, ночевки в зимовьях, палатке или на свежем воздухе, еда из одного котла, фантастическая красота природы и грусть расставания после завершения экспедиции. Но осталась дружба возникшая и укрепившаяся между нами и любовь к земле нашей.

Что впереди? Честно говоря, страх перед будущим. Сменилось руководство в театре кукол и областной филармонии. Сменилось в силу разных обстоятельств, сменился Министр культуры России — на благо ли? Не знаю. Но тревожно все это. Еще 10 лет назад люди моей профессии были недовольны тем, что нам не давали ставить то, что хотим. Теперь дают, но не на что. Я восхищаюсь фантазией наших театральных специалистов, которые из сделанной единожды декорации, обновляя и изменяя ее, делают совершенно новую. Последняя премьера Малого театра "Свадьба Кречинского" стоила 600 млн. рублей. Для нас подобные расходы — несбыточная мечта. И сделать красивый, богатый спектакль — проблема.

А как больно подписывать ведомости зарплаты работников театра, когда низший должностной оклад артиста (без местных накруток) 187200 рублей — согласно Единой тарифной сетке оплаты труда, а высший 345600 рублей. И это при разрывном рабочем дне, когда работникам театра частенько приходится ездить на работу по 2 раза в день. Вот и посчитайте! Но несмотря на это наши люди работают и продолжают радовать своим искусством жителей Забайкалья. Работают творчески интересно, профессионально, с фантазией. В каждом есть талант и своя индивидуальная "изюминка". Сегодня при огромном количестве собственных бытовых проблем, мысли каждого о предстоящем сезоне. Он единственный — этот каждый сезон, единственный и неповторимый, дарящий надежды и ниспровергающий огромный труд десятков людей, и о каждом из них надо говорить отдельно. В первую очередь о юбилярах. 25 лет в театре — это событие. И именно этот юбилей испытает актриса Любовь Гамова в октябре. А уже очень, очень скоро…

ГЛАВА 2
СИДОРОВНА

В каждой организации, на каждом предприятии, в том числе и в театре есть помещение, куда заходить особенно приятно, но к сожалению, редко это происходит. Я говорю о месте выдачи заработной платы. Есть такая комната и у нас. А рядом помещение бухгалтерии и главный бухгалтер — Тамара Сидоровна Сидорова. Что такое экономист в театре? Это островок порядка в безбрежном океане творчества. Трудно быть островом, когда бушуют штормы, и только слышится: "Картотека", "Баланс", "Отчет", в каждом незнакомом человеке ждешь проверяющего, и весь театр приходит к тебе с протянутой рукой и: "Дай! Дай! Дай". Мало кто умеет быть островом. Сидоровна, как ласково называют ее в театре, умеет. Тридцать пять лет недрогнувшей рукой она держит бразды финансового правления театра. Ее подпись на документах вторая, выше нее директорские. Так вот, за все эти годы, выше сменились десятки подписей, нижняя осталась неизменной. И в этом закон финансовой стабильности театра. Она ищет самое полезное ископаемое — деньги. Смешно то, что она ищет их там, где их нет.

Самое смешное, что находит. За это нельзя не уважать. Любят же ее за то, что она человек до мозга и костей свой, театральный. Без театра прожито только двадцать лет. Остальное случилось уже в театре — замужество совпало с квартальным отчетом, дочка родилась во время подготовки баланса, первой игрушкой внучки стало денежное поручение, а внука — платежная ведомость.

Ее кабинет место—где решаются не только производственные, но и личные вопросы. Многие заходят к Сидоровне поделиться своими радостью или бедой, и всегда находят понимание. В дни выхода этого номера у Тамары Сидоровны — юбилей, и все работники театра желают ей положительного сальдо в любой отчетный период ее жизни, крепкого здоровья и дальнейших творческих сил в театре.

ГЛАВА 3
ЖЕНЯ КУРЕННОЙ

Привыкнуть к тому, что его нет, невозможно. Кажется, вот сейчас он позвонит, или пересекутся наши дорожки на каком-нибудь совещании, какой-нибудь творческой встрече, а потом посидим часок, поболтаем, а если Женя без машины, выпьем по рюмочке.

Мы познакомились, когда я еще фактически никого не знал в Чите, в 1990 году. Только приехав, молодой главный режиссер захотел познакомиться с творческой интеллигенцией города. Первая встреча была в Читинском отделении Союза писателей, которое возглавлял Женя. Мы сидели, разговаривали, пили чай, строили совместные проекты, многие из которых позже осуществились. Потом были премьеры в театре, которые Женя и Ирина старались не пропускать, а после мы сидели у меня в кабинете, обсуждали премьеру, опять мечтали о различных совместных проектах, спорили о политике, экономике и т.д. Всегда хотелось пообщаться еще, ну да ничего, еще успеем, впереди столько времени. Не успели. И осталось ощущение чего-то недоговоренного и недоделанного. Беру и перечитываю его "Осеннюю сухмень", кажется, что получаю еще больше его неутомимой доброй энергии, вижу его обаятельное лицо, открытую душу. Но личного общения не хватает. За три дня до трагедии мы вместе были в Петровске-Забайкальском на литературно-театральном фестивале. Женя проводил в день по 4–5 творческих встреч, был очень веселый — душа нашей вечерней компании; были в комнате, где погиб депутат Государственной думы Сергей Маркидонов. Женя очень внимательно все осматривал… Кто-бы мог подумать, что через несколько дней трагедия разыграется с ним.

В первые майские дни собирались встретиться у него на даче по поводу шашлыков, а в августе Женя приглашал собирать грибы. В субботу утром 19 апреля на вокзале в г. Чите нас встречала машина, я не поехал, пошел пешком в театр, мы попрощались. Попрощались навсегда!

ПРОБА

Марине Горбуновой 16 лет.
Она учится в 11 классе
Читинской школы.
Стихи сочиняет с четырех лет.

Марина Горбунова

* * *

Я вернусь к тебе с рассветом,
С криком чаек, с теплым летом,
С капелькой росы лучистой
Нежной-нежной, чистой-чистой!
Я проснусь в душе ребенка,
Запою струною звонкой,
Отпаду листом осенним,
Улыбнусь звездой вечерней.
Я коснусь тебя случайно
Ветром, мчащимся отчаянно,
Влагой утренней и свежей,
Лучиком от солнца нежным.
Я вернусь…

* * *

Любишь, любишь… знаю, знаю!
Не тебе скрывать.
Не смотри, что я теряю —
Не тебе терять!
Вижу, знаю, все же скажешь
И не промолчишь.
Ты прекрасно это знаешь —
Вроде не малыш.
Тихо-тихо плачет туча
За моим окном.
И меня за что-то мучит
Проливным дождем.
Но не будет слов печальных,
Я теперь молчу.
Просто не хочу отчаянья,
Слышишь?! Не хочу!!!

СВЕТЛА НАША ПЕЧАЛЬ

Когда звучит радостная и переливчатая мелодия баяна и слышится песня:

Снег да цветы на дорожке,
плеск Ингоды у моста,
ветка багула в окошке —
все это наша Чита, —

память откликается: это — Петя Зубарев!

Петр Петрович Зубарев, баянист и композитор, преподаватель музыки, Заслуженный работник культуры России был верным товарищем и другом забайкальских музыкантов, поэтов, художников, артистов. Удивительный жизнелюб, озорной казак, самозабвенный любитель и исполнитель частушек, песен, шуток, анекдотов трагически ушел из жизни жизнь несколько лет назад. Но остались его песни, живет солнечная память, откликается душа на его улыбку, голос, мелодию…

Елена Стефанович

— Ма, ты любишь леопарду? — спрашивает меня сын и требовательно заглядывает мне в глаза.

— Ну, как тебе сказать... в основном, я люблю тебя.

— Нет, ты скажи: ты любишь леопарду?

— Ну, если ты ее любишь, то и я буду любить.

— Мам, когда я приведу леопарду домой, смотри, не трогай ее, а то она тебя поцарапает!

— Я ее, конечно, трогать не буду, но если она все-таки кинется на меня, ты заступишься за свою маму?

Пылко:

— Конечно, заступлюсь! Я ей все когти обстригу!

* * *

Рассуждает:

— Знаешь, мама, я хотел бы стать птицем! Я бы и на трубе посидел, и на дереве, и на крыше, и голубей бы подогонял... И я бы не падал — птицы с крыльями ведь не падают, правда?

* * *

С торжествующим видом тащит из огорода жирного извивающегося червяка.

— Максим, брось эту гадость! — кричу я ему.

Он мне в ответ, с явной обидой за свою находку:

— Это никакая не гадость, мамочка, это — гуттаперчевая змея, а я — укротитель!

* * *

Утром в садике очень долго раздевается. Все время отвлекается — то к ежику побежит, то с ребятишками разговор заведет...

Напротив раздевается мальчик — самостоятельно, очень аккуратно складывает и развешивает свою одежду, обтирает тряпочкой свои ботинки и ставит на полку.

— Посмотри на Сашу, Максим! — рассерженно говорю я сыну. — Ведь он позже тебя пришел, а уже разделся, и как аккуратно! А ты? Ты — ты просто копуша!

Саша оборачивается, пренебрежительно с ног до головы меряет Максима взглядом и тоном поучающим, очень взрослым, произносит:

— А вы его воспитывайте! Вы его лупите почаще! А то он у вас дураком вырастет. Меня папа все время за уши драл да в угол к стенке ставил, так я быстро все научился делать сам!

Максим — возмущенно:

— Меня драть не надо! И вообще детев бить нельзя! Ничего твой папа не понимает, сам-то он — дурак!

* * *

— Кем ты будешь, Максим, когда вырастешь?

— Я сначала буду милиционером, потом — пожарником, потом — игрушки детям буду продавать. А уж потом навсегда стану артистом.

— А почему именно артистом? Почему не останешься милиционером, пожарником или продавцом?

— Ну, ма, как ты не понимаешь! Я всех воров и хулиганов переловлю, все пожары потушу и все игрушки продам, кем же мне тогда работать-то? Буду артистом! Они всю жизнь поют, пляшут, они веселые, и потом, им всегда цветы дарят, а я цветы люблю, ты же знаешь!

— Но, ведь если ты станешь плохим артистом, тебя могут и освистать, и гнилыми помидорами закидать! Что тогда делать будешь?

— Какие ты глупости говоришь, мама! Гнилыми помидорами закидают, да? а милиция на что?! и артист, что, помойка тебе, всякие гадости в него кидать?

* * *

Читаем "Нахаленка" Шолохова. Максим слушает очень внимательно, буквально затаив дыхание. Когда я приостанавливаюсь перевести дух, он нетерпеливо подгоняет меня:

— Дальше, мамочка, дальше, моя хорошая, пожалуйста, читай!

Прочитали книжку за вечер. Максим потрясен.

— Ну, белогвардейцы, ну, гады же! Убили батяньку у мальчика!.. И мне бы, мама, знаешь, как бы папу было жалко, если бы его у нас убили!.. если бы он с нами жил... И я бы тоже на лошади поскакал, хоть и боюсь и не умею.

* * *

Самые откровенные, чистые и искренние часы и минуты общения — поздно вечером, перед сном, когда основные дела переделаны, сегодняшние проблемы решены, и день, полный забот, волнений, радостей и открытий — позади. Так тянет в этот тихий вечерний час побыть вместе, поговорить, пооткровенничать, и в чем-то покаяться...

— Мам, как ты думаешь, я, когда вырасту, женюсь?

— А как же иначе? Ты же не пустоцвет, сынок. У тебя обязательно будет семья, дети будут.

— А как ты думаешь, на ком я женюсь?

— Ну, наверное, на девушке, которую полюбишь больше всего на свете, которая станет настоящей твоей второй половинкой...

Тихо, уткнувшись мне в плечо, застенчиво шепчет:

— Я бы, мам, на Алисе хотел жениться!

Опять Алиса, милая, светлая девочка с ясными глазами, с толстой русой косой...

Уж сколько раз Максим принимался мне рассказывать об этой своей несравненной однокласснице, сколько новых достоинств находит он в ней снова и снова! Но дружбы у них пока что-то не получается — как говорит мой сын, "эта девочка с кем попало дружить не будет".

Всегда аккуратный, подтянутый, Максим стал собираться в школу еще старательнее, еще тщательней: с вечера начищает до зеркального блеска ботинки, аккуратно свешивает школьную форму на вешалку, чтобы, не дай Бог, не помялась. Перед уходом на занятия весьма усердно намывается, чистит зубы, по нескольку раз возвращается к зеркалу — причесаться...

Раньше никак не могла приучить его носить с собой расческу, теперь сам пристает: "Мам, куда моя расческа подевалась?!"...

И учиться, как ни странно, стал ровнее, стабильнее — а ведь мальчики в таком возрасте, чтобы привлечь внимание понравившейся девочки, начинают буквально на головах ходить...

Стал беспокоиться о своей внешности:

— Слушай, мам, тебе не кажется, что я жирным стал?

Вообще-то, за последние год-два он действительно несколько раздался в плечах, подрос, но ни о каком "ожирении", разумеется, и разговора нет. Однако вот — беспокойство:

— Нет, мам, ты все-таки погляди, погляди как следует, может, я правда толстею?

И — очень серьезно, озабоченно:

— Интересно, какие-же все-таки мужчины Алисе нравятся?

У этой повести — "О тебе и обо мне" — два автора, я и мой сын, Максим Стефанович.

Поначалу я, как многие родители, просто так, из интереса, записывала разные смешные случаи из жизни своего ребенка, какие-то забавные словечки и ситуации.

И вот сравнительно недавно я дала Максиму почитать то, что называлось "Записками матери" — во-первых, мне хотелось знать его мнение о написанном, во-вторых, он уже был достаточно взрослым человеком, и с ним я хотела бы считаться. Если бы он был против публикации этой рукописи, я, как ни печально мне это, уничтожила бы ее...

Слава Богу, Максим очень давно, с самых малых лет, был не только моим сыном, но и моим единомышленником, другом, соратником. Прочитав написанное мной, он сказал: "Ты молодец, мама... А теперь я бы хотел, чтобы ты прочитала то, что писал я". И он дал мне свои дневники...

МОЙ МАКС И НЕМНОГО Я

Мы шагаем с сыном по улице. Мне радостно идти с ним рука об руку, радостно ощущать его заботу, когда он поддерживает меня: "Осторожно, мама, здесь выбоина!", когда он выхватывает у меня из рук тяжеленную сумку и говорит с напускной строгостью: "Не женское это дело — тяжести носить!"...

Что скрывать — я горжусь своим сыном, горжусь тем, что на его ладошках — твердые рабочие мозоли, что он уже умеет быть заботливым, рассудительным, внимательным...

Так хочется верить, что вырастет ч е л о в е к ! Так верится в это — со всей безудержной, немножко наивной и бескорыстной верой материнского сердца, материнской любви...

1985 г., Чита.

Максим Стефанович

Читаю, изучаю, осмысливаю Агни Йогу. Потрясающе мудрая книга.

"Не предай Бога. Лучше не знать, чем предать".

"Действуй не гневом, а возмущением духа. Если действуете возмущением духа, защищая имя Господне и силу Учителя вашего, то даже удары будут оправданы".

Семисловие: "Помоги нам не пройти мимо труда Твоего!"

МОЛИТВА:

"Ты, давший голос и щит мне! Пошли Учителя на путях моих, открыто сердце мое".

"Град проклятий больно бьет голову сказавшего их".

"Прекратить зарождение детей — хуже убийства".

"Перед приходом гостя лучше проветрить дом, и, в тишине повторяя молитву, устремить глаза на красоту".

"Раньше тридцати лет нужные центры не просыпаются".

"Дух летать научается, когда горе заострит сердце".

"Роскошь должна покинуть вас".

"В утренние часы трудитесь, вечером радуйтесь именем моим. В новый путь!"

"Крылья духа растут в тишине".

15.10.91 г.

* * *

...Я стараюсь не сдавать вниз, ниже достигнутого. Я сегодня подумал о том, что очень трудно преодолеть в себе человеческое начало. Сегодня побил кошку, и довольно-таки сильно. Не зря, конечно, — она буквально не отходит от аквариума, уже почти всех рыбешек повыловила. Но все равно! Я просто почувствовал, что сделал ей больно — рука у меня большая и тяжелая, а Коша такая маленькая. Так жалко стало мне ее...

Никогда ее не буду трогать больше, ни за что. Я просто сорвался. Выпустил наружу своего внутреннего зверя. И тут же, моментально — внутренний разлад.

Но я все-таки выстою!

ИЗ БИБЛИИ:

"Пребудьте в Духе во все дни живота своего — и Святой не оставит вас. Дух творит, Дух устрояет, Дух со святыми верными!"

"Имей вы истинное смирение, вам открылись бы тайны Промысла и постигли бы Благодать Божию во всем".

Весь символ веры вмещается в одно слово: Символ Покаяния. Истинно кающийся придет к мысли о неизбежности удаления от мира, т.е. возненавидит грех.

"Я же в воздухах утренних, я в пении ангельском, я там, где правда и слезы, где рыдания и плач".

"Призовите Имя Мое, и тотчас приду".

25.10.91 г.

* * *

...Зачем, интересно, нужен брак? Нужно ли мужчине и женщине быть вместе?

Если существуют Он и Она только лишь для искушения друг друга, то весь наш мир, такой милый, добрый, такой ужасный, подлый, страшный, красивый — не что иное, как абсурд, никчёмная работа Бога. Но я так не считаю. Значит, мир создан еще для чего-то?

В Агни-Йоге есть фраза: "Прекратить зарождение детей — хуже убийства". Так может ли быть полноценной одинокая жизнь? Мне всегда было страшно жаль тех запыленных, серых холостяков, которые могли бы радоваться жизни вместе со своими женами, детьми, родителями, дедушками-бабушками, но сознательно лишили себя всей этой радости. Все-таки, за редчайшим исключением, одиночество не может быть ни полезным, ни благотворным. С другой стороны, человеческие души мало развиваются дальше...

И еще одно. Есть любовь, прекрасное чувство, которое является скрепляющим звеном между мужем и женой. Разве можно отринуть любовь?

И вот еще что, очень важное. Нужен ли опыт в любви? Не знаю. Пока не знаю. Ведь то, что мы называем "опытом", по сути своей является прелюбодеянием. А это — грех. С другой стороны, это ошибки, на которых учатся.

Мне 19 лет. Чего я добился, что узнал? Ничего! Все, что я знаю, это прелюдия к огромной симфонии, называемой Вечностью. Я стараюсь меняться, и кое-что получается. Идет ломка характера. Болезненная, с душевными срывами, с бедами, с бесконечными неприятностями, крупными и мелкими, но — идет.

Готов ли я ко взрослой жизни, смогу ли обойтись без нянек? Ой, даже думать страшно. Но ведь я знаю, понимаю, что когда-то моих родных не станет, и, как это ни печально, к такому повороту в своей жизни надо бы готовиться заранее.

...Умерла бабушка Фая. Умерла без веры в Бога, очень тяжело во всех отношениях. Все, что я могу сделать для нее—молиться о спасении ее души, и я делаю это каждый вечер, обращаясь к Богу с просьбой спасти и помиловать ее душу. Я знаю, Господь меня слышит, и он обязательно поможет. Я отмолю бабушку Фаю, как отмолил своего бедного деда, маминого отца, брата бабушки Фаи. И да поможет мне в этом Бог!

...Я люблю всех людей, каждую пылинку, травинку, каждый лучик света. Во всем этом — настоящее жизненное начало, которое невозможно ни отвергнуть, ни оспорить, — Бог. Спасибо всем святым, всем людям, умным и добрым книгам, спасибо Господу, что я Его узнал. Я буду всю свою жизнь проповедовать людям о Боге, чтобы они задумались, для чего живут. Ну, неужели же только для набивания своего брюха?!

...Вопрос вопросов: а для чего живу я? Страшный вопрос...

24.11.92 г.

* * *

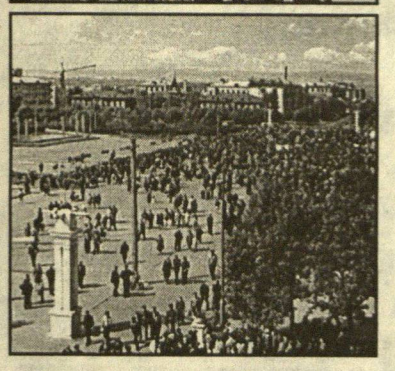
Сегодня 29 января 1994 года. Похоже, что мои мозги постепенно встают на место: стало страшно от того, что неинтересно жить. Я всегда боялся забыть вспомнить о том, что есть другое измерение, кроме высоты, длины, времени и веса — счастье. А вообще, что такое счастье? Кто-то называет счастьем достаток материальных благ, для кого-то счастьем стала хорошая семейная жизнь, а для кого-то счастье не существует вообще. Этакий миф, легенда. И все-таки мифы и легенды на пустом месте не возникают.

Счастье, наверное, в какой-то мере есть Царствие Божие. А последнее находится внутри человека, и не меняется от действий катаклизмов, погодных условий или развития цивилизации. Царствие Божие может быть только в духовно развитом сердце (душе).

А вообще-то, кому нужны эти мои душевные томления, это глухое недовольство собой, вечные поиски абсолютной Истины, — кому, кроме меня самого? И правы ли те, кто выплескивает свои внутренние терзания на страницы газет и журналов, не погоня ли это, в какой-то мере, за славой, за авторитетом, не кокетство ли это просто?..

А может, я просто завидую?

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ОСЕНЬ, ОСЕНЬ, ОСЕНЬ...

Жил-был в Чите в 50–70 годы Владимир Курбатов, режиссер Читинского телевидения, человек, о котором еще в те годы слагались легенды и анекдоты. Талантливый и оригинальный профессионал, автор первых киноочерков о Забайкалье, независимый в суждениях спорщик и оппонент официозным указивкам, чуткая и нежная душа по отношению к детям, лошадям и женщинам, он проявлял особое гостеприимство к собратьям по творчеству, возглавляя застолья, покупая цветы на дни рождения старушкам-вахтерам и хорошеньким актрисам...
Кроме выше сказанного Володя Курбатов самозабвенно фотографировал пейзажи Чикоя и Приаргунья, пахарей, пастухов и прочих людей земли. Особенно нравились ему импозантно позирующие участники знаменитых праздников книги "Забайкальская осень".
Большой фотоархив В.И. Курбатова остался в Чите.

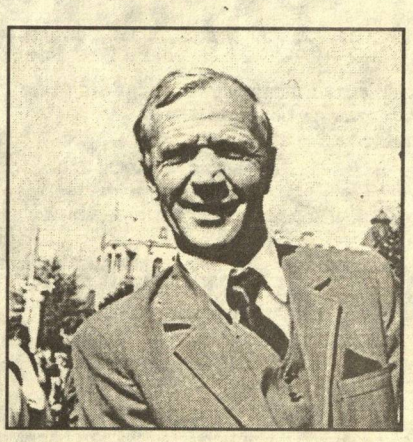

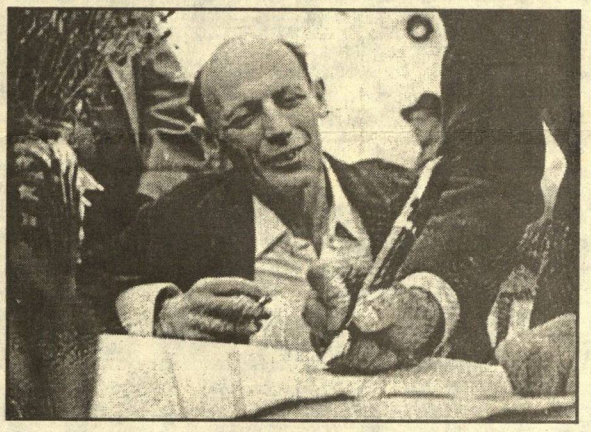

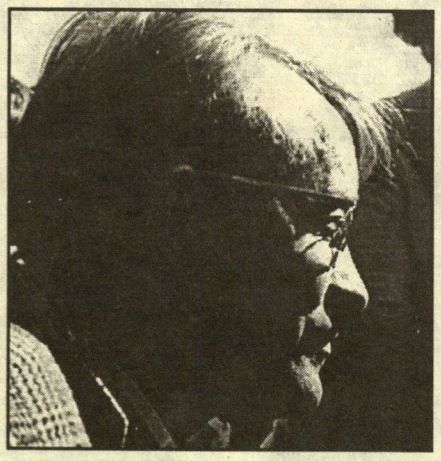
НА СНИМКАХ
слева направо—сверху вниз:

Марк Сергеев, Григорий Кобяков, Сергей Зарубин, Леонид Фадеев, Василий Балябин, Евгений Куренной, Георгий Граубин, Марк Соболь, Николай Кузаков, Николай Ященко, Оскар Хавкин, Леонид Соболев, Владимир Гланц, Яков Аким, Ростислав Филиппов, Александр Алешкин, Василий Никонов.

Борис Кузник

СТРАШНЕЕ КОШКИ ЗВЕРЯ НЕТ

За темой экспериментальной работы я явился в начале учебного года. Попасть к шефу удалось далеко не сразу. Мне предлагали придти через день или через неделю. И когда я уже совсем отчаялся, через ассистента С. узнал тему работы, призванной потрясти мир величайшим открытием: "Влияние атофана на уровень протромбина в крови".

Что такое атофан, я, разумеется, не знал. Да и что такое протромбин — также успел за время летних каникул забыть, но какое это имело значение. Главное — я стал экспериментатором.

Следует сказать, что для опытов мне требовались кошки. Но где их взять? Оказывается, я должен был ловить кошек сам, и непременно бродячих. На мое счастье, в те послевоенные годы таковых было предостаточно. И я вышел на охоту. В неравной борьбе победителями почему-то часто оставались кошки, а я ходил с исцарапанными в кровь руками и даже лицом.

Но вот, наконец, первая кошка поймана, и прежде чем накормить ее атофаном, у бедного животного необходимо определить уровень протромбина в крови. И тут я понял, что такое ад.

Помогать мне должен был лаборант по прозвищу Боря-катетер. Это почетное имя он получил потому, что его любимым словом было катетер. Кстати, он сам чем-то напоминал катетер — длинный, тощий с невыразительным лицом и узкими масляными глазами. Он поймал кошку, завернул ее в тряпку, оставив торчать лишь ухо, из которого и надо было получить капельку крови для исследования. Для этого следовало ухо очистить от шерсти, что я и попытался сделать при помощи острых ножниц. Но случайно вместо шерсти я остриг часть уха и тотчас же сделал вполне обоснованный научный вывод: оказалось, когда кошке режут уши, ей это не нравится — она начинает царапаться, кричать истошным голосом и даже пытается кусаться.

Наконец, первая победа одержана, ухо чистое и из него можно взять капельку крови. Как? Да очень просто: надо острыми ножницами отрезать самый край уха, но сделать это надо очень быстро, и тогда кошка этого не заметит. Но то — в умелых руках. Беда заключалась в том, что тогда у меня руки еще были неумелые.

И вот я пытаюсь дрожащими руками сделать разрез. Вероятно, у меня это получилось не очень ловко. Кошка дернулась, Боря-катетер не удержал ее в руках, и обезумевшее от пережитого страха животное дало деру. Конечно, ловить кошку пришлось мне, не будет же таким пустяковым делом утруждать себя уважаемый лаборант!

Наконец, кошка поймана. Руки у меня исцарапаны в кровь, но держусь я мужественно, как и полагается настоящему ученому, готовому и не на такие жертвы ради науки.

Короче говоря, получить кровь из уха мне в тот день так и не удалось. Кошка находилась в дичайшем стрессе (это я теперь знаю, что такое стресс, а в то время такое слово никому, даже моему шефу, не было знакомо), кровь моментально свертывалась и ее невозможно было набрать в капилляр. Пришлось опыт отложить до следующего дня.

На следующие сутки оказалось, что уши у кошки опухли и резать их нельзя. И тогда Боря-катетер предложил добыть капельку крови из хвоста. Нет, это не было собственным изобретением, так поступали и другие. Кончик хвоста у кошки мягкий и хорошо снабжается сосудами.

Но не тут-то было. Кошка уже со вчерашнего дня поняла, какое ее ожидает удовольствие. Она тряслась, как осиновый лист. Мы с большим трудом завернули ее в тряпку. Но когда я, очистив предварительно хвост от шерсти, попытался его надрезать, кошка дернулась, Боря-катетер не удержал ее задние ноги, тряпка развернулась и из заднего прохода брызнул зловонный фонтан. Я думаю, что сотрудники кафедры решили, что началась война и противник применил отравляющие вещества, такой запах распространился по всем лабораториям.

Но хуже всего пришлось мне, так как я стоял как раз напротив "орудия", которым не вовремя воспользовалась кошка. И тогда я действительно понял мудрость поговорки: "Наука требует жертв".

К сожалению, это была не последняя жертва с моей стороны. Даже в этих условиях я попытался набрать капельку крови. Не уверен, что она не была смешана с подхвостным содержимым. Так что я до сих пор не знаю, оттуда ли я получил необходимый мне для исследования материал.

На следующий день на меня жалко было смотреть. Дело в том, что, когда мы отпустили кошку, она, озверев, стала бросаться на меня, решив, по-видимому, что я и есть главный ее мучитель. Впрочем, она была недалеко от истины. На занятия же я пришел с опухшим лицом и с расцарапанными руками.

И вот новая задача: как накормить кошку атофаном. К тому времени я уже знал, что атофан — это горький порошок (сам попробовал), что ранее он применялся при лечении ревматизма, но так как он токсически действует на печень, то в настоящее время (это — в 1947 году) в медицине практически не используется.

И как же заставить кошку есть этот горький порошок? Я пробовал закатывать его в хлеб, добавлял в молоко и даже в сметану, которую покупал на собственные деньги. Но все было напрасно. У кошки, хоть и бродячей, губа, по-видимому, была не дура и есть яства с атофаном она отказывалась.

Вводить кошке атофан надо было ежедневно на протяжении трех или шести дней. Так велел шеф, а кто может ослушаться шефа! Но кошка хорошо запомнила ту экзекуцию, которой мы ее подвергли. И когда мы попытались вытащить ее из клетки, она оказала нам яростное сопротивление и оказалась победителем в бою с превосходящими силами противника.

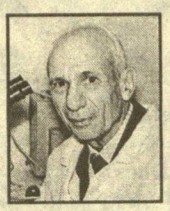
Одному только Богу известно, как мне достались эти эксперименты. В конце-концов нам удавалось вытащить из клетки кошку, и под страшный душераздирающий вой мы впрыскивали ей очередную порцию атофана.

А затем!.. Мне даже страшно вспомнить, что было затем. Когда прошли первые три дня, надо было определить, как изменился уровень протромбина, а через шесть дней опыт повторить. И продолжать эксперименты до тех пор, пока уровень этого проклятого белка в крови не придет к норме. Да и опыт надо было поставить не на одной, а минимум на пяти кошках.

К концу эксперимента я понял, что скоро попаду в психбольницу. А Боря-катетер чувствовал себя превосходно и с воодушевлением рассказывал каждому встречному и поперечному, какую важную для человечества научную работу я выполняю.

Когда окончился первый эксперимент, я понял, что должен найти выход из положения, иначе моя научная карьера на этом и закончится. И, кажется, я такой выход нашел. Дадим котику легкий наркоз и возьмем столько крови, сколько нам нужно. Под наркозом не то что кусочек уха или хвоста, но и голову отрезать можно.

Для второго эксперимента я притащил здоровущего кота, которого поймал у себя на помойке. Кот был грязный, облезлый, но и здесь я помнил, что наука требует жертв. Я посадил его в мешок и приволок на кафедру. Когда я выпустил его на волю, он посмотрел на меня обезумевшими глазами и стал метаться по лаборатории. И тут я сделал второй неопровержимый научный вывод — когда котов носят в мешке, это им почему-то не нравится.

Но надо было приступить к экспериментам. Мы с Борей-катетером дали коту легкий эфирный наркоз, и я легко добыл необходимую капельку крови. Я торжествовал и хвалил себя за догадливость. Я так был доволен собой, что забыл про кота, который между тем медленно выходил из состояния наркоза. Сначала он, раскачиваясь из стороны в сторону, словно пьяный, неуверенными шагами прошелся по лаборатории. По-видимому, он никак не мог сообразить, куда он попал и что с ним происходит. Но постепенно его помутненное сознание просветлело и он вспомнил, кто его враг, тащивший по городу в мешке и заставивший надышаться эфиром. Он присел на задние лапы, дико и истошно закричал и вдруг неожиданно прыгнул на меня. К счастью, координация у кота не восстановилась, наркоз продолжал действовать и кот пролетел мимо. Но он тут же развернулся на сто восемьдесят градусов и вновь прыгнул на меня. На этот раз его расчет был точен. Он повис у меня на животе, яростно рыча и впиваясь когтями в мое бедное брюхо.

Боря-катетер вихрем выскочил из лаборатории, оставив меня одного сражаться с разъяренным врагом. Я же, воя от боли, едва отодрал кота, отшвырнул его в сторону и бросился к двери. А пока я пытался ее открыть, кот налетел на меня сзади и повис на моей спине. Я пулей вылетел из лаборатории. Представляю, какое это было захватывающее зрелище. Я мечусь по коридору с котом, яростно вцепившимся всеми четырьмя лапами с острыми когтями мне в спину. В тот момент у меня невольно мелькнула мысль, уж не тигра ли, сбежавшего из цирка или зоопарка, я случайно подобрал на помойке. На мои вопли выскочили все сотрудники кафедры и в недоумении уставились на происходящее. Выручила меня старушка-препаратор Мария Степановна. Она схватила швабру и несколько раз стукнула ею кота. Тот сразу обмяк, отпустил меня и был водворен Борей-катетером в клетку.

Но и после этого случая я не сдался, хотя не мог простить предательства Боре-катетеру. С тех пор моей помощницей стала Мария Степановна. Она-то и научила меня работать с кошками. Она умела их приласкать, задобрить, а я в это время незаметно отрезал краешек уха или кончик хвоста. И есть атофан она кошек научила, добавляя в еду вместе с препаратом капельку валерьянки. Мудрая была женщина, хотя образования у нее было всего четыре класса.

Свою первую работу я доложил на итоговой научной конференции. Говорят, орал, как оглашенный. Вполне возможно, что в тот момент я подсознательно сражался с котами, на которых проводил свои первые опыты.

С тех пор прошло много лет. Я поставил сотни опытов на мышах, крысах, морских свинках, птицах, собаках, но, уверяю вас, страшнее кошки зверя нет. ■

СОЛОВЬИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Эдуард Молчанов

* * *

Мне видится юность за далью,
В распахнутых солнцу мирах.
И вновь я в степях Забайкалья,
Где золото роют в горах.

Старинная, горькая песня,
Какие даны ей права?
Кому в утешенье воскресли
Из самого сердца слова?

Унылые ветры степные
Кандальный оплакали звон.
Край, некогда дикий в России,
Я чту среди прочих сторон.

Пусть многое кануло в Лету,
Но только народ не забыл
Разбитых острогов приметы,
Гулага безвестных могил.

Мне край этот дорог до боли.
Распадки, как эхо веков.
Тайга и степное раздолье.
Сибирская мощь рудников.

Там удаль растет из печали,
И звезды горят на копрах
В певучих степях Забайкалья,
Где золото роют в горах.

1969 г.

Елена Стефанович

* * *

Создать себя…
Создать — как стих иль песню,
как город белокаменный в пустыне.
Создать себя —
с души содрать всю плесень,
чтоб не был ты просвирно — сух и пресен,
чтоб не были твои слова
пустыми!
Создать себя —
зажечь себя, как звезды!
Создать себя —
забыть, что ты — земной!
Быть может, не создам.
Быть может, поздно.
Быть может, мир нахмурен
слишком грозно…
Попытка, тем не менее,
за мной!

1978 г.

Григорий Кобяков

БАШМАКИ

В землянке четвертого орудийного расчета над самой дверью приколочена длинная полочка. На полочке рядком стоят детские башмаки. Одна пара меньше другой.

Башмаки добротные, с подковками на каблуках — залюбуешься. Самые большие тридцать шестой — тридцать седьмой размер, самые малые, пожалуй, будут как раз в пору годовалому ползунку.

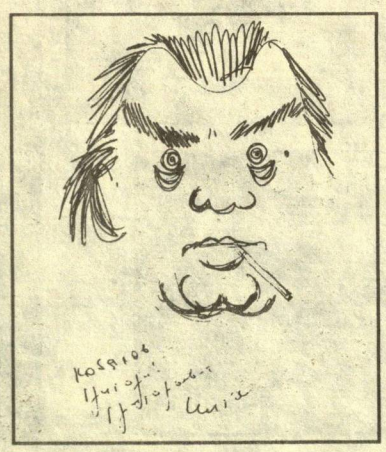
Шьет башмаки заряжающий Ефим Ермолаевич Пашкевич.

— Кому? — спрашивает каждый, кто впервые попадает на батарею и в землянку четвертого орудийного расчета.

— Ребятишкам своим, — смущаясь и поправляя свои пышные буденовские усы, — отвечает Ефим Ермолаевич.

— Да сколько их у вас? — теперь уже спрашивающие не скрывают своего удивления.

— Семеро, — говорит Пашкевич и, не торопясь, продолжает: — Двое совсем мужики: четырнадцати и тринадцати лет. Вместе с матерью теперь поднимают колхоз…

— Где?

— В Белоруссии.

Ефим Ермолаевич всю войну партизанил. К нам на батарею пришел в 1944-м, когда его родная земля была освобождена от оккупантов. Служит старательно и исправно. Когда выпадает свободный час, садится на пушечную платформу, неторопливо вытаскивает из сидора несложный сапожный инструмент, колодочки (самим же изготовленные), материалы (их достает старшина) и принимается за дело. Любо-дорого глядеть, как ловко Ефим Ермолаевич орудует шилом, дратвой и молотком, когда шьет очередной башмачок.

Однажды за этим необычным для солдата занятием Ефима Ермолаевича застал заместитель командира полка подполковник Калиновский. Полюбовался на его работу, перебрал готовые башмаки, ну и, конечно, не удержался от тех же вопросов, на какие Ефиму Ермолаевичу уже не раз приходилось отвечать.

Попрощался с солдатом за руку.

— …В моей землянке подполковник заговорил о Белоруссии. Сам он белорус, до войны работал учителем. Видел свою родину и освобожденную, начисто разграбленную и сожженную врагом. Потом замолчал, о чем-то раздумывая. И вдруг, кивнув в сторону четвертого орудия, спросил:

— А что, обойдетесь, если мы этого заряжающего…

— Пашкевича…

— Вот именно Пашкевича, на недельку домой отпустим…

— Я об этом хотел ходатайствовать…

— Ну что ж, пусть приготовленные подарки сам увезет семье. То-то рады будут там, особенно ребятня, — и подполковник вздохнул.

Назавтра, одетый в новую гимнастерку и брюки, в новые сапоги и шинель, с семью парами башмаков в сидоре Ефим Ермолаевич отправился в недельный отпуск — домой, в деревню под Гомелем.

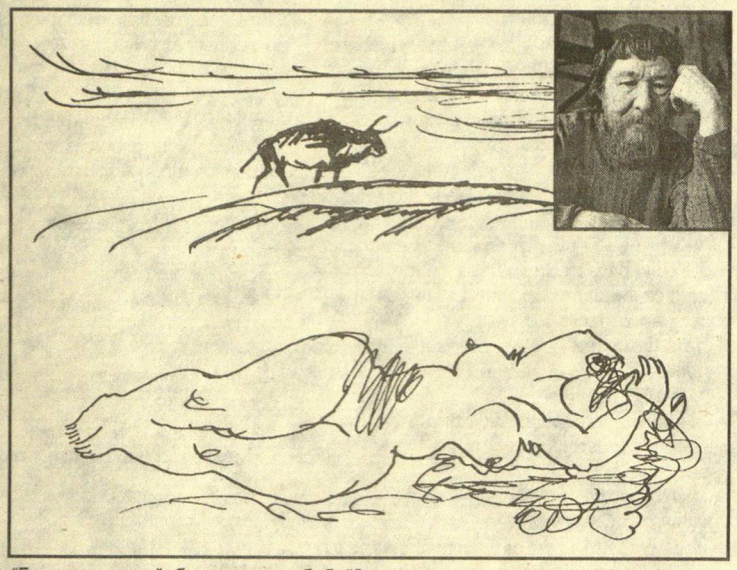
Глаза Ефима Ермолаевича сияли. А его буденовские усы вроде бы еще пышнее стали. ■

Шарж Р. Карасевича

Юрий Круглов

ЭВРИКА

Эти рисунки "потерялись". Ни их автор—Юрий Круглов, ни поэтесса Елена Стефанович, чьи стихи навеяли художнику лирические мгновения, не подозревали, что однажды сотворенное все равно выплывет на свет.

"Быть женщиной, быть просто бабой".

"Солнце, буря, ярый ливень".

"Вот и зрелость"

"Влюбилась—так сердце на куски".

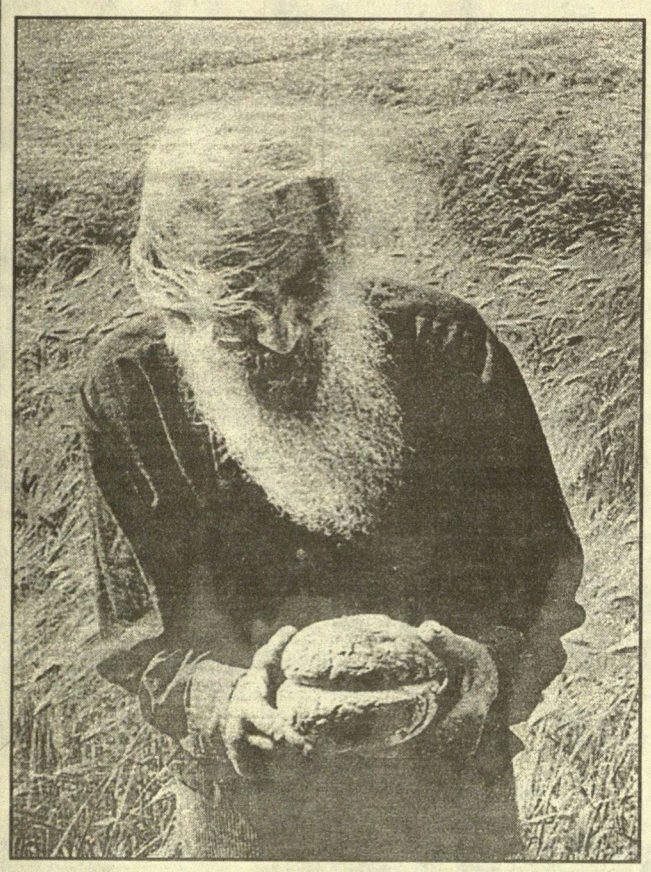
Николай Яньков

ЖЕНЬ-ШЕНЬ ДЕДА ЧАЙКОВСКОГО

Познакомился я с Чайковским вот как. Некая старушка отправила в редакцию областной газеты посылочку, в которой нашли предмет, очень похожий на половинку сухой брюквы. К посылке было приложено коротенькое письмо, в котором пояснялось, что в таежном селе Кыэкен проживает хороший человек Александр Миронович Чайковский, и этот человек знает места, где произрастает целебный корень женьшень. Чайковский — глубокий старичок, ему восемьдесят шесть лет, собирается помирать, а перед смертью хотел бы указать места в тайге. Пусть, мол, люди роют себе на здоровье и пользу те самые корешки. Александр Миронович рассказывает, что корешки непростые: возвращают они людям силу, разумение, миролюбие. Стойким и работящим становится от них человек.

Казалось, что старушка — отправительница посылки — сама чего-то не понимает или просто разыгрывает редакцию. Не помнится такого случая, чтобы женьшень вырастал толщиной в брюкву. Да и не водится он в Забайкалье. Уссурийская тайга, Дальний Восток — вот родина этого корня. И все же я с большим вниманием разглядывал корнеплод. Он был удивительным и странным на вид. В его клетчатке угадывались следы млечного сока. На вкус корень немного сластил и отдавал жгучим перцем. Нет, это не брюква! Но что же тогда? Наверняка мужик-корень! После знакомства с ламой-лекарем появилась у меня страсть к изучению целебных кореньев. Я даже собрал коллекцию того, что растет у нас, в тайге Восточной Сибири. Не было в этой коллекции только мужик-корня. За этим корнем я долго охотился...

В тот же день я справил себе авиационный билет, вылетел на трескучем самолетике в поселок Вершино-Дарасунский, а оттуда на попутной машине — в село Нижний Стан, где располагался центр совхоза Воскресеновский. До деда Чайковского было далеко — прятался Кыэкен в таежном углу, в стороне от больших дорог. Но и туда нашлась попутная машина — крепко сколоченный грузовик с уютной кабиной, окрашенной голубой эмалью. Вел машину шофер Иван — односельчанин деда Чайковского.

С тросточкой в руках, наряженный и гладко причесанный, дед топтался возле калитки. Ему, наверное, думалось, что гость прибудет в роскошной "Волге", при галстуке, в нарядном костюме, а в нагрудном кармане гостя будет лежать документ, подтверждающий его высокую ученую степень. Но степени у меня не было, а одет я был в пыльную красную рубаху — в сумке среди фотокамер у меня лежала еще одна красная рубаха для смены.

— Ну, что ж, пойдем чай пить-беседовать! — чистым и почти девическим голосом сказал Чайковский, потрогав концом тросточки узорчатую шину грузовика. — О мно-о-гом переговорить надо! До полуночи будем беседовать... Да!

Надушенные и гладко обритые щеки деда отливали молодым румянцем. Забылось, что ему без малого девяносто лет. Весь он был нарядный и чистенький, сиял, как весенний ручей.

— Иди-ка, иди-ка! — поманил меня пальцем Чайковский. — Вот он, родимый, сидит.

В углу морковной грядки, куда указывал розовым пальцем дед, торчал хилый стебель с кожистыми, как у фикуса, листьями, только значительно мельче. Растение ничем не напоминало женьшень.

— Это мой сын, — указал дед на стену, где висела под стеклом фотография в крашеной деревянной рамке. — Петро Чайковский, артиллерист. Замучен во время немецкой оккупации в болотах под Ленинградом. Домой Петро мой вернулся весь больной да израненный. С год всего прожил-то. Лежит в земле возле устья речки Княжны, а напротив, на сопочке, — корни, корни! Знай тогда эти корни, я бы его крепко поставил на ноги, Петруху-то. А в тот год я и себе уже доски на гроб приглядывал...

— Этим женьшенем я и прогнал свои болезни, — похвастал дед, — у-у, какой это корень! Посылал докторам, но врачи разве понимают в травах?

— Ну, а вдруг это совсем неизвестное науке растение? — сказал я. — Скажем, разновидность женьшеня? Так и запишут в книгах: "Женьшень Чайковского".

— Во-во! — обрадовался дед. — Разве я вовсе неграмотный? О том ведь и речь. Они там как? Какой-нибудь дедко Онуфрий чего найдет, они опосля дихсертацию сбандют. А я сам хочу быть в ученую книгу записанный. Ради добра людям.

Выехали мы в устье речки Княжны. Наполовину заросшая, а местами промытая ливнями в сплошной овраг дорога от Кыэкена шла туда прямо через хребет.

Дед все допытывался: не профессор ли я, не доктор ли? Я отвечал, что я не доктор: после публикации редакция газеты отошлет материал в Академию наук, а от себя я еще добавлю цветное фото и образец растения. Но какое все-таки название имеет корень? Вот мы едем его копать, а я до сих пор не знаю названия...

— Кукла! — непонятно сказал шофер Иван.

— Женьшень это, женьшень, — начал твердить свое дед Чайковский. — Или ты тоже скажешь: палас, кукла, яд-трава?

Дед с восторгом хохотнул сквозь шум мотора:

— Был Чайковский ноль без палочки, а помрет с именем. Генерал, академик!

Дед Чайковский хлопнул себя ладонью по груди, животу, коленям. И в который раз рассказал, как он вылечился от целой уймы болезней. А то все в тоске жил, горестях и тревоге. Не только телесные болезни, утверждал дед, но и пороки души пропадают: зло, зависть, алчность, равнодушие, лень. Человек как бы родится заново. Доктора об этом корне ничего не знают, утверждал дед Чайковский, а то они за него уцепились бы! Возможно, это грозит переворотом в мировой медицине, поскольку даже самые зловредные мировые войны можно предупреждать с помощью этого корня. Ведь всякая война начинается с разных тревог, психопатии, а корешок этот ласкает сердце и освежает разум.

— Так и напишут в книгах: "Женьшень Чайковского!" — прибавил дед с ухмылкой. — А ты говоришь "миллионы"! Когда человеку худо, то и все миллионы твои — куча мусора...

Дома дед пропустил стакан горячего чая и снова порозовел. Бабка Наташа извинялась за небогатый стол: ржавый морской частик в жестянке, ягоды голубики, крынка молока, взятая у соседей. В последние годы дед порешил всю живность: гусей, кур. О корове даже и заикаться не велит. Кричит: "Разве мы заскорузлые частники — корову держать?" В пику деду бабка Наташа берет на лето поросенка, но ухаживает за ним одна: дед и поросенка грозится выбросить со двора. Домишко запустил. Бабка даже заплакала, глянув на потолок, где по известке кривилась желтизна дождевых промочин. Балки под полом сгнили, половицы упали на землю, и зимой хоть волков в избе морозь. В добавление к русской печи, занявшей и без того почти всю избу, дед приладил плиту — то самое сооружение, которое больше похоже на трактор, чем на печь. В дело пошли старые ведра, части от комбайна и трактора, булыжники.

— Э-э, — сказал дед. — Запела мне тут. Теперь все по другому пойдет. Я тебе цигейковую шубу подарю и новый домок в придачу.

Мы взялись чистить корни. Дед сказал, что они попреют, если не снять с них верхний слой кожицы. Несколько корней дед разрезал ножом на части. На стол стекал сок — густой и белый, как сливки. На лице, особенно в глазах, я вдруг ощутил неловкость. Я не мог двигать веками — они распухли. Набрякли и покраснели щеки, нос, губы. Глаза щипало, как от лука.

— Во-во! — обрадовался доказательству дед. — Это летучие целебные вещества. Корень их выделяет.

Он смазал мне лицо какой-то пахучей мазью, и опухоль скоро прошла. Я спросил Чайковского, кого он еще пользовал этим корнем, кроме себя. Дед показал мне пачку писем какой-то женщины. Дед лечил ее заочно, по почте, и она сильно его благодарила в письмах. Но закончился опыт трагично: муж ее был пьющий, налил себе однажды стакан настойки корня для опохмелки. Умер "от разрыва сердца".

— Эх! — обвел дед синенькими глазами низкие корявые стены, — будь грамота, разве бы я здесь был сейчас?

Ведь он ни одного класса в школе не кончил. Научился азбуке у царских каторжан, ссыльных. До остального дошел своим умом — ни одной книжки не пропускал, какие приходилось видеть.

По радио пиликала скрипка, но вдруг диктор стал читать международный обзор — сказал, что американцы освоили выпуск новых ракет с ядерной боеголовкой, а в Китае на испытательном полигоне взорвана водородная бомба.

— Бомба — что такое? — сощурился вдруг дед Чайковский. — Сгусток злобы это! Сплав человеческой злобы, глупости, страха, жадности. Сгусток болезней. Давно люди ищут корешок добра, ищут, а он вот...

Дед покачал на ладони один из корней. Бабка Наташа шикнула на старика:

— Перестань, супостат, чего мелешь? Вот человек! Да не слухайте вы его...

На дворе была уже ночь. Лаяли на закрайках села собаки. Далекие миры — звезды прокалывали черноту ночи. Лай собак странным образом перекликался с миганием звезд. Черное небо прорезала туманная дорога галактик. Там, среди галактик, тысячи таких же планет, как наша. Вихрятся среди их обитателей такие же заботы и страсти. Где-то гремят атомные войны, а где-то царит благоденствие — там уже нашли свой "корешок добра".

Утром я уезжал. На прощанье дед Чайковский сказал, что ящик с корнем он отослал когда-то в Москву, в Совет Министров, самому Председателю Совета Министров, и вот теперь ждет ответа.

— А ты там тоже где надо словечко замолви! — сказал дед, сильно стесняясь своих слов. — Насчет премии разузнай. За открытие. Я-то помру скоро, Наталья моя пусть поживет хоть. Намыкалась она тут со мной...

Стоял он виноватясь, горбясь. Я расстегнул сумку, вынул оттуда свою чистую красную рубаху, которую так и не надел в Кыэкене. Протянул ее деду — в подарок. Он отказывался, но я просто сунул ему.

Машина затарахтела и покатилась. Быстро отдалялись бревенчатые домики Кыэкена. Дед Чайковский стоял и махал мне красной рубахой как флагом. Ветер трепал его редкие желтые волосы.

...Дома, в Чите, я сверил дедову находку по книгам. Точно, растение это называется мужик-корень. А еще — молочай Палласа. Ученый немец Петер Симон Паллас, придворный доктор царицы Екатерины, проезжал по Забайкалью в 1773 году и открыл это растение. Вот уже два века значится молочай Палласа в пудовых томах "Флоры мира".

Из книг я вычитал, что мужик-корень водится только в Забайкалье, по рекам Онону и Шилке, и что в старину он котировался наравне с женьшенем. В малых дозах корень целебен, но в больших опасен, ядовит. В простонародье наблюдались даже случаи смертельного отравления. Секрет лечения мужик-корнем был с годами забыт, и забайкальцы давали коренья играть детям вместо кукол.

Вот и все о мужик-корне. Я не знал, как мне сообщить в Кыэкен деду, что "женьшень Чайковского" не состоится. Неровными, корявыми строчками он сообщил, что из Москвы он наконец-то получил хорошее письмо: из Совета Министров корни попали в научно-исследовательский институт, и там их будут исследовать, "выявлять целебную силу". Результат исследований обещали сообщить в конце года.

Но дед Чайковский этого не дождался...

ПОЧЕСТИ

СТАРЕЙШИНА

Старейшина забайкальских писателей Виктор Брониславович Лавринайтис родился в Чите в 1915 году. Окончил горно-металлургический техникум, но работать по специальности не пришлось. После службы в армии, пройдя курсы механиков связи, был телеграфистом в управлении Забайкальской железной дороги. С 1947 г. по 1954 г. с небольшими перерывами работал лесообъезчиком в Могзонском лесничестве.

Виктор Лавринайтис принадлежит к той плеяде писателей, которые начинали писать до войны. Но военное лихолетье отодвинуло творчество на второй план. Первые произведения автора появились в 1947 г. в газете "Забайкальский рабочий". Широкое признание пришло с первой повестью "Лесники".

В 1952 г. в Читинском книжном издательстве вышла повесть "Падь золотая". Ею зачитывались взрослые и дети, ее издавали в Чите, Москве, Благовещенске, в Литве, на Украине. Автора узнала вся страна.

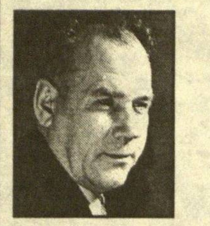
Работая лесником, он прекрасно знал забайкальскую природу, наши девственные леса, животный мир… Поэтому, читатель по страницам книги вместе с писателем бредет по дремучей тайге, по бескрайним степям, лугам, болотам… Итогом работы в леспромхозе явился роман "Лесная быль". Снова шумит лес, снова герои романа ведут упорную борьбу за светлые человеческие идеалы. Роман выдержал несколько изданий, был инсценирован. Вслед за романом вышла повесть "Рабочий корреспондент".

Трудовые будни неизменно привлекают внимание писателя. Он некоторое время работал на Читинском машиностроительном заводе, создавая роман "Рабочая серенада".

Лавринайтис может по праву гордиться своими романами, многочисленными повестями, рассказами… Виктор Брониславович — истинный забайкалец, он влюблен в свой край, в его людей. В этом истоки его творческой силы.

К. СИНЯВСКАЯ.

Георгий Граубин

ОКУДЖАВУ СПАС НЕ ЕВТУШЕНКО

Недавно в "Литературной газете" Евгений Евтушенко поведал о том, как он в свое время "спас" Булата Окуджаву от исключения из партии. Вроде бы, партком московской писательской организации исключил Булата Шалвовича за протест против ввода советских войск в Венгрию. А беспартийный Евгений Александрович тут же позвонил первому секретарю московского горкома Гришину и тот его незамедлительно принял. Мало того: Гришин стал отчитываться перед поэтом о проделанной работе, а под конец позвонил в Краснопресненский райком партии и приказал, чтобы решение парткома было отменено.

В этом рассказе, мягко говоря, большая неточность. Как в старом армянском анекдоте: "Правда ли, что Карапетян выиграл тысячу рублей в шахматы?" "Сущая правда. Только играл он не в шахматы, а в карты. И не выиграл, а проиграл, и не тысячу рублей, а автомобиль "Волгу".

Исключали Булата Окуджаву из партии через шесть лет после венгерских событий, в 1972 году. Много чего ему инкриминировали. "Накат" на него начался еще задолго до этого, сразу же после публикации повести "Будь здоров, школяр" в альманахе "Тарусские страницы". Де фронтовик Окуджава изобразил молодого солдата не так, как следовало — личностью не героической, а растерявшейся от первых бомбежек. Появившиеся же самиздатовские песни Окуджавы, которые переписывали на магнитофонные пленки друг у друга, объявили пошлыми, мелкотемными. Сообщение о том, что разруганная повесть вышла вдруг за границей, подлило масла в огонь. Хотя Окуджава в опубликованном в газетах письме сообщал, что сделано это было без его ведома, злопыхатели не унимались.

В это время Булат Окуджава выступал в Кишиневе и ему из зала пришла то ли провокационная, то ли наивная записка: "Как вы относитесь к Солженицыну?" Булат Шалвович со свойственным ему простодушием правдиво, хотя и чуть витиевато, ответил:

— Это — хороший писатель и честный человек, поэтому отношусь к нему соответственно.

Это стало последней каплей — гнев хулители Солженицына тут же обрушили и на Булата: кто ты сам-то таков, если защищаешь очернителя советской власти? И на партбюро московских литераторов Окуджава большинством голосов был исключен из партии.

Потом, когда партия развалилась, многие перевертыши стали поносить ее, выдавая расставание с нею за благо, а некоторые демонстративно сжигали свои билеты. Но в те партийные времена исключение из партии было не просто позором, но и духовным надломом, как бы изгнанием из общественной жизни. Для Окуджавы тут же закрыли эфир, его лишили публичных выступлений. В это время мы и встретились с ним в ЦДЛ (Центральный Дом Литераторов).

К Булату я относился с благоговением. Много лет назад поэт Николай Савостин, явившийся в Читу на каникулы с Высших литературных курсов, удивил нас незатейливыми, но глубокими по смыслу песенками неизвестного нам до того Окуджавы про улетевший шарик, про ни в чем не виноватого Ваньку Морозова, который во всем пытался угодить морочившей его циркачке, про последний ночной троллейбус и про многое другое, что не укладывалось в патриотические рамки, но было близко и понятно каждому.

Познакомил меня с ним поэт Яков Аким, который с ним дружил. Булат Шалвович был при встречах немногословным, но остроумным, афористичным. Но на этот раз, когда мы увиделись в ЦДЛ, был угрюм и неразговорчив.

Об отлучении от читателей я уже знал. И потому пригласил приехать к нам на праздник книги "Забайкальская осень".

— Да кто ж меня отправит, я ведь не выездной!

— Не беспокойтесь, мы вас приглашаем за наш счет.

— И не боитесь?

— Чего же бояться, если мы живем в крае бывшей ссылки и каторги. Куда ни сошлют, везде лучше.

— Если это — всерьез, принимаю приглашение с удовольствием. Только я не летаю самолетами.

— Тогда приезжайте поездом, мы вас торжественно встретим.

Все гости праздника прилетели самолетами, Булата же встречал на вокзале "Бицепс" в полном составе.

Большой литературный вечер в драматическом театре открывался фрагментом из только что вышедшего на экраны фильма "Белорусский вокзал", в котором бывшие фронтовики с упоением поют ставшую известной песню Окуджавы: "А нам нужна одна, одна победа. Одна на всех, мы за ценой не постоим".

Когда экран погас, весь зал в едином порыве встал и долго аплодировал гостю.

На следующий день все участники праздника книги, как это было всегда, разъезжались в районы области для встреч с читателями. Наша группа, в которую, кроме Булата, входил автор знаменитой "Брестской крепости", лауреат Ленинской премии Сергей Смирнов и поэт Яков Аким, полетела на пограничном самолете в Приаргунск, чтобы побывать потом в Газ-Заводе, Нер-Заводе и Шелопугино. Лететь самолетом Окуджава согласился безропотно, и надо же было та-

кому случиться: в фюзеляже АН-2 оказалась небольшая дырка, и как раз в том месте, где сидел наш гость. Всю дорогу в его спину сквозило, и на другой день у него началась высокая температура. Приехавшие врачи констатировали: воспаление легких, необходим постельный режим. Но Булата Шалвовича удержать в гостинице было невозможно: вечером он брал гитару и появлялся в домах культуры, в которых мы выступали, переезжая из района в район. Встречали его восторженно, долго аплодировали, благодарили, не подозревая о том, что после выступления он снова будет лежать пластом, а врачи будут ставить ему уколы и пичкать лекарствами.

В этой поездке Булат Шалвович похудел, но приободрился духом, как бы приподнялся над самим собой. Самое удивительное было в том, что к нему проникся уважением Сергей Сергеевич Смирнов, член парткома, голосовавший за его исключение. (Потом он выразит по этому поводу свое сожаление и признает ошибку парткома).

В Чите после завершения праздника все были приглашены в обком партии на заключительную встречу. Первый секретарь Александр Иванович Смирнов поблагодарил гостей за большую работу и значительный вклад в культурную жизнь области и подробно, я бы даже сказал, красочно рассказал о нашем крае и извечных его проблемах. А в заключение вручил подарки и грамоты обкома и облисполкома. Долго жал руку Булату Шалвовичу, просил приезжать снова. А после окончания встречи позвонил в ЦК — он ведь был кандидатом в члены Центрального Комитета. Проинформировав об итогах Всесоюзного праздника "Забайкальской осени" (уже был такой статус), он попросил исправить ошибку, допущенную в отношении Окуджавы, творчество которого близко и понятно людям.

Этот звонок и был решающим в судьбе Булата Шалвовича Окуджавы. Так что справедливость в отношении его восстановила Чита, а не мифическая встреча Евтушенко с Гришиным. Еще ничего не зная об этом звонке, Булат Шалвович шепнул, выходя из обкома:

— Первый раз встречаю таких мудрых руководителей, как у вас, в Чите. И немножечко вам завидую.

■

Зоя Зеленская

А ЗАРЯ ЕЩЕ НЕ ДОГОРЕЛА...

Июльское солнце горячило спины мужчин, осторожно опускающих гроб в могилу. Провожающие бросили по горсти песка, лопаты земли закрыли зияющую яму…

— Вот и все, — подумал Гавриил Ипатыч. — Ушла ты, Мария, как будто и не было сорока прожитых с тобой лет.

— Пошли, отец, — позвал сын Николай.

— Идите, поминайте, я потом подойду.

Кладбище опустело. Солнце сияло попрежнему, не обращая внимания на людские трагедии. Гавриил Ипатыч присел у могилы. Над ним задумались темные ели, побелев от жары. Стволы сосен пылали вверху словно красные свечи, прозрачным серебром отливали листья нагнувшейся над ручейком молодой ольхи. В сонной тишине чуть слышно журчала вода, а в редеющей траве деловито трещали кузнечики. Природа старалась сохранить незыблемость мира. Но эта беда, эта могила разрубили мир пополам, разрубили на "до" и "теперь".

— Позади 65 лет. Как прожиты? Да, вроде, нормально: жил, как все, не думал, что придется оглядываться. Работал лесником, зарплата не ахти какая, но на жизнь хватало. Лесничество помогло построить дом. Завели с Марией корову, справили обстановку: холодильник, телевизор, мотоцикл. Вырастили двух сыновей, вылетели они из гнезда. Теперь бы жить да радоваться. Не тут-то было!

— Милая моя, Машенька, пальцем ведь никогда не тронул. А если же ворчала, так только из-за лишней рюмки, но вот уже пятнадцать лет, как завязал. Зачем же ты меня покинула?!

И горькие мужские слезы покатились из глаз, благо, никто не видел. Поднялся и тихо покинул это пристанище людской скорби.

Дома—дым коромыслом. Все были поминально хмельны и довольны.

— Вот и дед пришел, — облапил Гавриила пьяный сын.

— Я дед твоим детям, — отрезал отец.

— Ладно, не бухти. Помяни мать, — и налил граненый стакан.

— Ты же знаешь, я не пью.

— А сегодня можно, даже нужно. Как это — мать не помянуть? Все добрые люди поминают.

И "добрые" люди навалились всем скопом. Чего только не наслушался хозяин: и Бога гневишь — обычай не соблюдаешь, и нас не уважаешь, и мужиком-то от тебя не пахнет — не куришь, не пьешь. Сын куражился:

— Батя, не раскисай. Вон сколь одиноких баб в деревне — не пропадем!

— Кончай! — сверкнул глазами Гавриил Ипатыч и вышел из дома.

Брел по дороге, в ушах звенела недавно слышанная песня:

"Душа болит и сердце плачет, а путь земной еще пылит…"

— И зачем пылит?.. Может лучше туда, к Марии? — Безотрадные мысли роились в его мозгу.

Пришел к реке. На том берегу, скучно жарясь на солнце, желтели пески, дальше прохладно сверкало осочистое озеро, по берегу которого бежала большая дорога, направо и налево к самой воде подступил лес. Он начинался ивняком, переходил в осинник, березняк, сосну и лиственницу. Лес то расступался перед полями, то надвигался на самые пески, зубцами поднимаясь к горизонту.

Это была родная стихия Гавриила Ипатыча. Вдоль и поперек исходил зеленые массивы, знал, где деловая древесина, где молодняк, где сухостой. Осенью с Марией собирали там грибы да ягоды. Рядом бегали их мальчишки, гоняясь за бурундуками… Последнее воспоминание сжало сердце. Гавриил повернул в овраг и забрался в самую чащу. Лежа ничком на маленькой лужайке, долго думал о превратностях судьбы. Донимали горестные несвязные воспоминания. Наблюдая беззаботных букашек, бегающих по траве, не заметил, как заснул. Когда очнулся — спускалась ночь. Из села доносились голоса, по дворам скрипели ворота, лаяли собаки. Действительность несколько встряхнула, заставила повернуть домой.

Возвращению хозяина больше всех обрадовался Казбек. Он, гремя цепью, прыгал, облизывая соленые щеки Гавриила. Мычала корова, визжала свинья, кошка терлась о ноги, и хозяин включился в обычную сельскую суету.

Поползли серые будни: утром машинально вставал, обихаживал свое хозяйство, доил корову (научился, пока болела Мария), готовил пищу. И все-равно оставалась уйма времени, которое некуда было девать. Раньше любил читать, углублялся в сложные философские вопросы. В деревне его так и звали — "философ". Теперь и книги не радовали.

Приходили женщины, пытались помогать по хозяйству. Особенно зачастила Граня: симпатичная, полногрудая, веселая, на десять лет моложе. Когда-то она нравилась Гавриилу, а теперь черная зависть копошилась в душе: вот она живет, а Марии нет. Держал себя в руках, старался не обижать, но нет-нет да и закипал: и ходит не так, и смеется не к месту, и чай налила не в его кружку… Выходил во двор, долго не возвращался, находя там заделье. Женщина, чувствуя отчуждение, уходила.

Так прошел год. Весной в гости приехал сын Валентин — полковник в отставке. На похоронах не смог быть. Теперь сходили на кладбище, помянули мать. Глядя на хмурого отца, сын принялся агитировать:

— Чего тут сидишь, как медведь в берлоге. Поедем ко мне: под Владивостоком двухэтажный коттедж… два сенбернара… сад, огород, можно живность завести, будешь хозяином.

— Как же я здесь все оставлю? — заикнулся отец.

— Да что у тебя здесь? Нищета! Опять же забайкальский климат: июнь — еще не лето, август — уже не лето, а у нас все цветет, благоухает. Помидоры зреют на корню, яблоки, груша, вишня, клубника… Да и выгодно, рядом город, можно продать. Сейчас все живут коммерцией.

— Подумаю, — ответил отец.

Сын уехал, а отец думал: "Может, правда укатить в благодатный Владивосток. Надоело смотреть на вечно пьяного второго сына… Жалко внуков: вместе с невесткой спасаются у меня, когда забуянит Николай".

Но так ничего и не придумал, не знал, как избавиться от одиночества. Постарел, осунулся, хотя совсем недавно его все считали крепким мужиком.

Прополз еще один год, перешагивая через разыгравшийся ревматизм и ноющее сердце.

В тот самый день, когда Гавриил окончательно убедился, что жизнь закончена, хотя нет еще семидесяти, он увидел в хлебном магазине женщину. Ничего особенного в наружности не было: в простом ситцевом платье, в очках… Гавриил вышел из магазина несколько встревоженным и чуть-чуть не попал под автомобиль.

За обедом ел плохо, и все время ясно представлял себе ситцевое платье, гладко причесанную голову с простым узлом золотисто-русых волос, на висках тронутых сединой. С этого времени в нем как будто жило два человека. Один говорил: "Ты ее с первого взгляда полюбил и теперь уже никогда и никуда не спрячешься от желания видеть ее как можно чаще…" Другой возражал: "Пустяки, все это улетит так же быстро как налетело".

Но победил первый, потому что Гавриил зачастил в хлебный магазин. Через несколько дней увидел Женю-телефонистку из отделения связи. Рядом с ней шла та самая женщина.

— Боже мой, как они похожи, — удивился Гавриил. — Так это же ее мать приехала из города погостить.

Поздоровался. Женя ответила, женщина кивнула. Ни слова не было сказано, но Гавриил уже знал, что они познакомились. Страшно и сладко сделалось от этой мысли, и он вдруг почувствовал себя молодым солдатом, только что вернувшимся с войны, хорошо понюхавшим разного рода пороха.

Знакомство, действительно, состоялось, и гораздо проще, чем он этого ожидал. Утром, подоив корову, выгнал в стадо. Женщина тоже провожала корову. Взглянули… и словно век друг друга знали. Разговорились. Вера Аркадьевна — педагог, сорок лет преподавала русский, литературу. С мужем вырастили троих детей: двух сыновей и дочь. Женю, после окончания техникума связи, направили в это село — прижилась…

— Вот и приехала навестить внуков, — закончила Вера Аркадьевна.

Узнав его имя-отчество, восхитилась:

— Какое прекрасное сочетание и как созвучно: Гавриил Ипатьевич! — произнесла по слогам и весело рассмеялась.

Проводив ее до калитки, Гавриил зашагал дальше, зашагал твердой походкой. Куда-то исчез его застарелый ревматизм. Прошел мимо дома и опять к реке, как тогда, два года назад, но тогда он был убит горем, а теперь как бы пробуждался от тяжелого сна.

Чуть выше среднего роста, плечистый, кряжистый; под рубашкой угадываются приличные бицепсы; на голове полуседая, но довольно густая шевелюра; простое русское лицо. Совсем недавно потухшие глаза теперь радостно сияли. Гавриил размышлял: "Все великое и действительно хорошее — просто. Тысячи я видел и красивых, и некрасивых, и умных, и глупых, и талантливых, и бездарных, но такой не видал. Что это?! Биотоки? Или какое-то шестое чувство, которое долго бродит по свету, пока не найдет тебя?"

Солнце взошло. Перед ним расстилалась поросль молодого березняка, густо заросшего у самой дороги чащей шиповника, сплошь засыпанного розовыми цветами. На траве алмазами сверкала роса, воздух был напоен тонким ароматом диких роз.

— Благодать!

Гавриил натряс себе полный берет нежных лепестков и уткнул в них лицо.

Назавтра они опять провожали коров. Как приятны были эти свидания на утренней зорьке. День только зарождался и между ними зарождалось что-то трепетное, нежное, сокровенное…

Писатель Григорович сказал: "Любовь — высший дар, высшее чувство человека…Для нее одной предстоит рождаться на свет, и прискорбно умирать потому только, что приходится расстаться с нею и нет больше надежды испытать ее вновь".

И если она приходится на склоне лет — это подарок судьбы, это великое счастье, которое дано не всем!

Вера Аркадьевна и Гавриил Ипатович помолодели. Природа, окружавшая их, сияла всеми цветами радуги, мир казался безоблачным и прекрасным.

Как-то проходили мимо его дома — пригласил. Не побоялась зайти к одинокому, почти незнакомому… Чуяла, одного взгляда достаточно, чтобы заставить его быть смирным, таким, как она хочет.

Рассматривала обилие книг на полках, а он, наконец, решился задать давно мучивший его вопрос о муже.

— Пять лет, как покинул меня… Открылись старые раны, — сказала и сразу ушла.

Гавриил видел, как она расстроилась, но у него потеплело на душе.

— Так она свободна! Нашему счастью нет никаких преград!

Как жестоко он ошибался!

Препятствия начались немедленно. Вся деревня ополчилась на "молодых". Насмехалась и возмущалась вся родня. Невестка, детей которой он обувал, одевал да и кормил, съязвила:

— Ловко, папаша, задумали нас покинуть? А где я буду спасаться от вашего пьяного сына?

Из Владивостока — письмо от Валентина: "Отец, не смеши людей, приезжай к нам… некому охранять коттедж…"

Вере Аркадьевне дочь заявила:

— Квартиру в городе терять нельзя. И вообще, что за блажь выходить замуж на старости лет!

И мать уехала охранять квартиру.

Как загнанный зверь, метался Гавриил по своему дому: "Кому какое дело до остатков моей жизни? Да и кто знает, чей век короче — мой или у пьющих молодых? Так почему я должен не жить, а прозябать?!"

Но на людях держался, мужская гордость не позволяла сознаться в своих страданиях. Даже не выгнал Граню, которая вновь зачастила к нему. Смотрел на нее, как на пустое место, а деревня делала свои "выводы": "Кажется, остепенился мужик, обженится на месте и пусть живут". Однако дети были другого мнения. Невестка донимала Николая:

— Гранька-то наповадилась к отцу. Баба хитрая, быстро приберет все к рукам.

— А я че могу сделать? — вопрошал полупьяный муж.

— Как че! Иди поговори с ним.

И сын направился к отцу, хотя раньше ходил редко, разве что клянчить на опохмелку.

— Ето, как ее… Гранька-то моложе тебя. Помрешь — все ей достанется.

Заныло сердце у ветерана, заныло пострашней, чем после потери Марии.

— Не бойся, не обижу тебя, иди лучше опохмелиться, — и выложил на стол десятку. После ухода сына Гавриил Ипатыч задумался — понял, что посмертные дела следует решать при жизни.

"Мотоцикл с коляской завещаю Валентину, хозяйство — внукам, а дом — Николаю. Выгонит его невестка, непременно выгонит. Будет где приклонить буйную головушку".

Потекли мутные дни, как река, взбудораженная людской злобой. Однажды утром Гавриил встретил мужа Жени-телефонистки. Спросил:

— Что-то сам корову гонишь?

— Женя уехала в город, мать заболела, — услышал в ответ.

Дальше Ипатыч двигался как в тумане. Голова раскалывалась от тяжких дум. Дома упал на кровать, уткнулся в подушку…

— Что же это такое? Ей плохо, а я не могу ничем помочь?

И вновь затосковала душа, да так затосковала — не приведи Господи. Он поблек, запустил свое хозяйство. Осень царапала по стеклам нудным дождем, черные кошки скребли душу…

Навалились всякие болячки, ел когда придется и что попало… Как-то скрутило живот. Терпел, пока скорая не увезла в город. Оказался перитонит по поводу аппендицита.

Упорно боролись врачи за его жизнь, но он не помогал врачам. Жизнь потеряла всякий смысл. Утром не хотел просыпаться, долго не открывал глаза, а когда открыл… увидел у постели Веру Аркадьевну…

В палату вошел врач-реаниматор. Одного взгляда ему было достаточно, чтобы сказать:

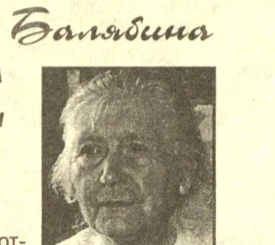
— Теперь будет жить!

Апрель 1997 г.

■

Виктория Балябина

СЛОВО О МУЖЕ

ЗАПИСКИ ЖЕНЫ ПИСАТЕЛЯ

В то лето мы жили в Подмосковье… Василий с утра отправился в Москву, его вызвали в издательство.

Сердце щемит и щемит, словно предчувствует что-то недоброе… Что там в издательстве? Что Василию сегодня скажут, с чем он приедет?.. Господи, помоги ему!

Вечереет медленно и тихо. Откуда-то с рощ, с лиловых полевых далей, с леса на другой стороне оврага ползут сиреневые сумерки. По спокойному, все еще розовеющему на закате, небу носятся стрижи, похожие на черные стрелы.

…У калитки звякнуло кольцо — Василий! Стремглав кинулась к нему. Отобрала оттянувшую ему руки авоську, сумку: из Москвы мы всегда возвращаемся нагруженными донельзя, как и все здешние. В сумке Василия рукопись в двух рыжих, потертых папках.

— Ну что, Вася? Как съездил?

Он очень устал, пыльный, потный и еле-еле идет, видно, сильно болят колени. Москва всякий раз дается ему трудно, но, как бы ни утомился он, всегда на этот вопрос отвечает бодрым голосом: "Все в порядке, ваше скабродье!"

И я знаю тогда, что все благополучно, что ничего плохого не случилось. А сегодня он не торопится отвечать, значит, какая-то неприятность…

— Василий, что Москвитин написал?

— Сейчас, сейчас, ох… сейчас, матушка, расскажу все до нитки, только ботинки сниму… ноги отламывает…

— Ты только скажи: благополучно?

— Да-а… ничего… похвалил в общем-то, — как-то неопределенно ответил Василий, крякнул, молча начал разуваться.

— Что же все-таки?

— Не тот это человек… городской житель… для него кондовое полновесное слово, что черту кадило, ну, наворотил там такое, что… — Василий болезненно сморщился, махнул рукой и занялся ботинками.

— Ну и что же… посмотрим, почитаем, если дельное что — возьмешь, если глупости — мимо пройдешь, ведь тебя никто не заставляет обязательно соглашаться, ты — хозяин своей книги, чего тут унывать, Вася!

–Унывать-то есть отчего, — он опять помолчал, поскреб в затылке, натужно крякнул, — из плана "Забайкальцев" сняли, вот в чем штука…

— Да что ты говоришь?! Из-за рецензии Москвитина?

— Из-за нее. Перенесли на следующий год…

Вот оно что… И тут мне живо представилось, что значит "перенесли на следующий год": надо на что-то выбираться из Москвы, на что-то жить, ведь аванса, конечно, не дадут, потом, после доработки, снова рецензированье, снова в Москву для работы с редактором, снова тревоги, ожидания… Василий, конечно, переживет это, перетерпит, но чего это будет стоить? Как ему больно, обидно, ведь роман получил уже добрый отзыв в издательстве, уже Василий написал в Читу, что книга в плане и вот-вот начнется работа с редактором. Отпадает давно задуманная поездка в Ленинград, на Украину… снова отодвигается работа над третьей книгой, а он уже весь в ней.

Картины одна мрачнее другой вставали в моем воображении. Василий, забыв снять второй ботинок, сидел на скамеечке возле крыльца, раз за разом тяжело вздыхал, крякал, ожесточенно скреб затылок:

–Чтоб его волки разорвали… совсем ведь все хорошо было, так нет, вынырнул, как черт из болота… да-а, положение, паря, аховое…

— Ну ничего, Вася, не голова с плеч! У людей еще хуже бывает… Да еще посмотреть надо, чего он там понакидал, может быть и дельное что есть… а сейчас умывайся, да ноги в горячей воде с крапивой подержи, сразу болеть перестанут.

После чая мы на скорую руку внимательно, пункт за пунктом перечитали москвитинскую рецензию, просмотрели все места в рукописи, указанные, как плохие… Что же это такое?! Лучшие страницы, такие, как сенокос, текущие дела Саввы Саввича, рисующие его хищную натуру изнутри, казачья служба, деревенские, казачьи страницы книги, то, в чем Василий, по общему признанию, так силен и самобытен, что так знает и любит он, перечислены как никуда не годные.

— Да он что, мать его… — медленно раскалялся Василий, — спал он, холера, когда читал, или не на ту ногу встал… нет уж, извини-подвинься, чтоб я это убрал…

Забракован и язык героев, как подделка и стилизация, это особенно обидно, что же он за художник, где же его чутье?

— Ну, это пусть он не врет, — свирепо гудит Василий, — если это подделка под народное, то сам он, холе-ера, ничего не понимает в языке…

— А ведь его считают большим стилистом…

— Стилист он… из куля в рогожу… где ему настоящую народную речь было услышать, особенно нашу, забайкальскую, крепкую, свежую, забористую, ведь он, хвати, так видел Сибирь только в вагонное окно, да еще из балкона гостиничного номера… ишь, нагородил… вот если бы я к месту и не к месту слово "однако" понаставил, это бы ему понравилось… а это что? "Откуда в Сибири пионы?" — так и есть! Настоящую тайгу восточносибирскую, поди, и во сне не видел! Да у нас этих пионов в июле хоть литовкой коси. Посмотрел бы он, какое множество цветов в Приаргунье! А как весной цветет багульник, черт, даже жалко его, волчугу, красота-то какая, и не за морями, у себя дома.

Но были и дельные заметки, были советы и указания на действительные недоделки и упущения. Огрехи эти чувствовал и сам Василий, но оставлял все это до работы с редактором: тогда у него появлялся снова интерес к давно написанному, наступал какой-то особенный подъем в работе. Ему очень хорошо, бодро, удачно работалось в этот период.

После чтения рецензии мы, не зажигая света, долго сидели рядышком. В раскрытое окно светила набравшаяся сил и плотности луна, на стене, возле нас, чутко трепыхала листочками тень молоденькой вишни, росшей под окном, таинственно светился на фоне звездного неба строгий и стремительный силуэт церкви. Время от времени тишину ночи раздирал рык и зык реактивного самолета. Прогрохочет по небу стальная махина — и нет ее, а тишина снова, как глубокая тихая вода, сольется, сомкнется, успокоится до нового взрыва.

Василий под утро крепко уснул. Я, вставши на восходе солнца, не стукнула, не шевельнула ничего: пусть спит, пусть добрый, крепкий, спасительный сон освежит его душу и тело. И пусть то Великое, Бесконечное и Милосердное, что есть, все-таки, над нами и посреди нас, даст ему силы пережить, преодолеть, избыть эту беду.

(Окончание на стр.).

(Окончание. Начало на стр.).

СЛОВО О МУЖЕ

Всю эту неделю Василий прямо-таки болен. Все сидит у стола и глядит из окошка в поле. Глаза у него словно выцвели, опустели, пегая шевелюра сиротливо торчит космами во все стороны, по-стариковски шаркает шлепанцами, горбит плечи, кряхтит, еще больше стал хромать. Молчит, прячет горе от меня — борется с ним в одиночку, не хочет печалить меня. А я все вижу, все понимаю, жалею его всем сердцем, верю и жду, что все это скоро переломится. Я знаю: Василий упорный, сильный, терпеливый… Господи, помоги ему!

С утра было беспросветно грустно и тяжко на душе. Василий вчера вечером накричал на меня. У него сильно болели ноги, и я решила снова сделать ему ванну из напаренной крапивы. Она всегда помогала. Он налил в таз воды и поставил его на плиту, а я пошла, нарвала крапивы. Воду он налил из маленькой бочки, в ней уже завелись головастики. Вода начала нагреваться, головастики заметались, мне сделалось жалко их — ведь живые существа, я вылила головастиков, налила таз воды из ведра. Вот за это он и раскричался на меня.

— Вода у нас далеко, носить ее вон какой свет приходится… головастики! Ну и черт с ними, с головастиками, не все ли равно им, где пропадать: в тазу ли, в траве!

Я сказала ему, что воду всегда ношу я, и чтоб он не распускал себя, потому что через час ему станет стыдно и за головастиков, и за свой тон. Он прямо-таки взбеленился, забыл обо всем, заревел во всю свою гуранью глотку. Обида тяжким жерновом навалилась на мою душу, замкнула уста. И стыдно, стыдно соседей.

Ночь я почти не спала, его злоба и грубость словно отравили меня, словно потушили все доброе и дружественное, что было между нами. Не хотелось, чтоб наступило утро.

Но оно наступило. Ну что бы подойти ему ко мне, усмехнуться, взять за руку, сказать — не кручинься, не унывай, все у нас хорошо по-прежнему, а я скотина, что обидел тебя!

Нет. Когда взошло солнце, он встал, вскипятил чай, но пить не стал, сел писать. Но писать не мог. Все вздыхал, кряхтел, глядел невидящими глазами в окно. А то встанет, выйдет на веранду, дойдет зачем-то до калитки, там постоит. Извиняться он не умеет. Вот так и будет весь день кряхтеть, вздыхать, глядеть в окно.

Я тоже не стала пить чай и ушла. Спустилась в тоске вниз к Росянке, постояла над нею. Милая ты моя Росянка! Бегут, торопятся, шумят и плещутся твои струйки, говорят с берегом, с травами и кустами, с корнями ив, как и раньше, как и встарь, когда не чумазыми замарашками были, а здоровыми, вольными и чистыми, как утренняя роса. Золушка ты моя! Сиротинка!

Потом прошла мостик и поднялась из оврага вверх, в поля. Уйти бы куда-то далеко-далеко и не вернуться, совсем не вернуться… Но чем дальше шла, тем почему-то легче делалось на душе. Остановилась. Поглядела на бескрайний этот разлив синевы небесной, на сжатые поля, лес вдали — и вдруг ссора показалась таким маленьким, таким ничтожным, крохотным событием, что даже стыдно стало за себя: хороша! Нечего сказать, хороша! Пе-да-гог! Жена писателя! На кого сердиться вздумала: на глупого, взрослого ребенка! Да еще в такое время, когда весь он, как туго натянутая струна. Сидит, небось, сейчас и еще пуще вздыхает, думает, как я же полчаса назад, что теперь все, все пропало… Деревенщина ты моя дремучая, упрямая! Повернулась и почти побежала домой. Он сидел на веранде…

— Хватит, Вася, вздыхать, я на тебя не сержусь вовсе!

Как он встрепенулся, как просиял, сграбастал меня в охапку и посадил на стол, как смешно тыкался мне в нос железной своей шевелюрой:

— Ну-ка, хорошенько двинь кулаком эту дырявую башку, дай ей доброго раза по уху, чтоб знала, как дурить! — схватил мою руку и себя по шее… — Вот тебе, вот, старый дурень! Не пакости, не ершись!

И словно только теперь настало утро, россиялось солнышко, заблестела роса, запели пташки, загудели в голубой выси самолеты, зашевелились букашки, закачались головки цветов на легком ветерке. Жизнь будто счастливо встрепенулась и потекла дальше…

Разговор с редактором происходил на издательском "пятачке" — что-то вроде крохотного вестибюльчика, устланного ковровой зеленой дорожкой, коридора, со множеством дверей по обе стороны. В вестибюльчике этом и гардеробная, и двери в кабинеты, и небольшое зеркало в простой раме, и часы. Сюда выскакивают покурить, все больше женщины, поправить перед зеркалом прическу.

— Вы, Василий Иванович, не придавайте такого огромного значения этому событию, — сказал Виктор Васильевич, когда мы уселись вот в этом вестибюльчике на небольшом диване возле низенького столика, — страшного ничего нет. Над всякой рукописью надо порядочно попотеть, прежде, чем она станет книгой. Давайте, Василий Иванович, договоримся так: как только Москвитин появится в редакции, мы ему первую книгу "Забайкальцев". Он, оказывается, не читал, пусть читает, а вы сейчас поезжайте в свою Смоленку и хорошенько пройдитесь по рукописи: где вы с рецензентом согласны — переделайте, где нет — оставьте, как есть.

Василий озадаченно поскреб короткопалой пятерней в затылке:

— Оно, конешно, беды-то… — и добавил как-то виновато. — А мы вознамерились было подаваться в Читу. Не солоно хлебавши.

— И напрасно. Совершенно напрасно. Оставайтесь здесь и работайте, ведь вам снова придется давать рукопись Москвитину, так что вот, — Виктор Васильевич поднял палец к переносью, наморщил чело, что-то соображая. — Август вы поработаете, а в сентябре я вернусь из отпуска и начну редактировать вашу книгу.

— Редактировать? Но, Виктор Васильевич, ведь рукопись-то… того, — удивился Василий и выразительно пошевелил пальцами.

— Да! Ведь я вам не сказал самого главного, — спохватился Петелин. — Вот память, — словно бы в наказание шлепнул себя по лбу. — На днях между директором и главредом был разговор о вас. Они склонны к тому, чтобы после доработки сразу же в этом году заключить с вами договор и издать книгу в самом начале будущего года.

— Хор-р-рошо, Виктор Васильевич, этим я и займусь сейчас. Буду себе спокойнехонько сидеть в своей Смоленке и отшлифовывать рукопись, пока вы не приедете! Ну-у, теперь што не работать, когда надежда воссияла! Ну, спасибо вам, паря Виктор Васильевич! Спасибо!

■

22 сентября—
День смерти Василия Балябина.

Дмитрий Михайлович Ковалев — известный русский поэт, похороненный неподалеку от Есенина, был одним из выдающихся лирических поэтов XX века. Руководил семинаром поэзии в Чите в 1965 году, оказал большую поддержку в признании творчества Ростислава Филиппова, Михаила Вишнякова, Бориса Макарова, Анатолия Горбунова, Михаила Трофимова.

Дмитрий Ковалев

ДУХОВНАЯ ЖАЖДА ПОЭЗИИ

"Духовной жаждою томим…" — смею надеяться, что все знают, из какого величайшего стихотворения русского гения взята эта строка. Томимый духовной жаждою, обжигающей сознание, обостряющей до предела гражданскую совесть, поэт не щадил себя во имя поэзии:

И вырвал грешный мой язык,
и празднословный, и лукавый.
И жало мудрое змеи
в уста отверстые мои
вложил десницею кровавой.

Духовная жажда Пушкина… пронзительно отозвалась в юном Лермонтове и в пожилом не по годам Некрасове. Спасая "Современник", Некрасов затем беспощадно казнил себя…

Духовная жажда высокой гражданственности горела потом в Блоке, Есенине, Маяковском, у каждого по-своему. Может, именно потому беззащитная, пронзительная откровенность Есенина так неотразимо схватывала молодежь, чувствующую новые начала куда более оптимистично, чем он сам?

Хочу сказать об одной, далеко не редкой тенденции в современной поэзии, которая не может не тревожить. Духовной жажды, которой отличалась наша поэзия, молодым явно не достает. Именно, духовной. Потому что других, материальных жажд, жажд самоутоления, хоть отбавляй.

…Больше и охотнее пишут о том, что претерпел, пережил желудок, и куда меньше о душевных переживаниях. Духовная жажда тут вроде бы и не при чем. Лирический герой поэзии себялюбив. Отсюда его настырный эгоцентризм, и в любви особенно. Порочность предмета своей любви нередко запросто выставляется на поругание читателей на фоне своей абсолютной непорочности…

Мы ищем новые таланты. Заботимся о них, хвалим, печатаем, издаем, наконец, первую книгу… А между тем, первая книга — это самая легкая книга. Она из первых, самых чувственных и ярких впечатлений, наивных задушевностей, а дальше все труднее — уже нужна воля художника на тернистом, жестоком пути к самому себе… Тут-то и начинается: рукоделие принимаем за вдохновение, самовлюбленность — за откровение души.

Пушкин начинал не с любви к себе… Есенин… тоже…

Газета "Комсомольская правда" недавно поместила верную, прямую и с болью написанную статью Марка Соболя. "Когда мы бываем строгими".

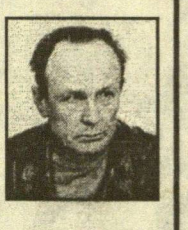
Но, к сожалению, "Комсомолка", как любовно называют ее в народе, сама часто грешит нетребовательностью и необъективностью…

Помните о духовной жажде великой русской поэзии!

ЮБИЛЕЙНОЕ

Сегодня "ЧЛ" имеет право отступить от присущей ей сдержанности в оценках творчества забайкальских авторов. Сегодня мы поздравляем Владимира Сажина с принятием в члены Союза писателей России. Гордимся, Володя, что живя в Кыре, ты смог пробиться, доказать, блеснуть…
Твои стихи читают, любят, ценят. "ЧЛ" приложила к этому свою руку…

Александр Сажин

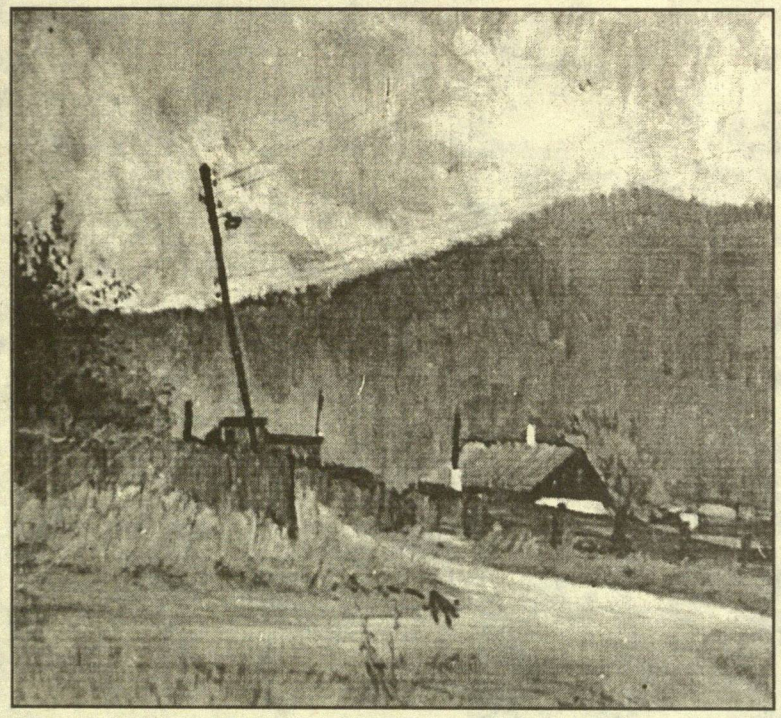

КОЧЕНЬ

Кочень? Кочень!
Вкусный? Очень!
В огороде вдоль гряды,
В чистых сенцах у кадушки
Шубой белые листы.
Воздух искристый, морозный.
Здесь начало всех начал.
И увесистый, серьезный
На станке скрипит кочан.
Кочень? Кочень!
Вкусный? Очень!
Громкий сочный хрусткоток,
Маме некогда поправить
набок сбившийся платок.
Паутинки-шелковинки
Гору белую плетут,
Ярко звездочки-свеклинки
Замелькали там и тут.
Кочень? Кочень!
Вкусный? Очень!
Белым сахаром в руке.
Ну, а тот, что с первой грядки,
Тает сам на языке.
Огородинкою разной
Угощаем всех подряд.
На селе ребячий праздник —
Все капусту "шелковят".

ВЕРНИСАЖ

Автор этого живописного полотна Анатолий Колчанов на фотографии крайний слева. Рядом его друзья—читинские мастера, собравшиеся в художественном музее на очередном вернисаже. Обычно во время таких встреч не обмениваются суждениями о новых работах коллеги. Профессионалам все ясно с одного взгляда, тем более, что о творчестве товарища по живописному цеху мнение давнее и вполне определенное—Толя художник добротный. Поэтому церемония рецензирования проста: пожатие руки, улыбка—"нормально, старик". Все разговоры впереди, когда на грудь принято по стопарю с соленым огурчиком. А пока всем просто весело, особенно Юрию Круглову (второй справа), графические работы которого мы сегодня публикуем. Обратите внимание на женщину справа. Она больше всех проникнута в творчество Анатолия Колчанова, поскольку является его любимой женой.

Ростислав Филиппов

СОЛОВЬИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

* * *

От мира отрекусь — уйду в тебя, как в скит.
Открою тайну глаз твоих свеченья.
И будет чудо — чудо излеченья
от прошлых бед, от будущих обид.

От жизни отрекусь — благослови
взойти на пламень рук твоих и тела.
И вечность станет девой онемелой
перед высоким заревом любви.
От Бога отрекусь — и за порог!
Обряды стародавние нарушу.
И с проповедью двинусь вдоль дорог,
сзывая веровать в твою святую душу.

Геннадий Донец

ТАРЗАН И ЧИТА

Незадолго до отъезда из Кореи я был приглашен "товарищами" отдохнуть несколько дней на одном из курортов.

Чудесный парк. Горячий источник питает бесчисленные пруды, соединенные проливами; над ними висят горбатые мостики. Я остановился на одном таком мостике и долго смотрел на лилии и лотосы, тихо колеблемые водою. Наверное, искупаться в этой теплой, освежающей воде — одно удовольствие. Рубашку — прочь!

— Баня. Баня по-русски. Пар, полок — все есть, — сказал переводчик, молодой паренек.

Баня безлюдна. Полок едва видим в клубах густого пара. С веником в руке я отважно полез наверх. И вдруг, когда я уже был на предпоследней ступеньке... Нет, это мерещится... Иль — явь?

Я поспешно скатился с полка, схватил цветастый эмалированный тазик и, как щитом, прикрылся им. Веник — в руке. Накрепко!

Но что же такое я увидел? Снежного человека? Синантропа? Австралопитека какого-нибудь? Он вполне по-человечьи закрывает рукою лицо, млеющее от жара. Шерсть взмокшая, в клочьях пены. Кто? Зачем он здесь?

Сквозь шипенье нагнетаемого пара раздался страдальческий стон. Мне стало, признаюсь, не по себе... Не успел одуматься, как с полка свалился этот странный волосатый тип, опираясь руками о пол, он подбежал к водяным кранам и поднялся на ноги.

Я еще крепче сжал в руке веник. Но шерстистый гражданин не обращал на меня внимания. Он отвернул один кран и на мгновенье подставил под струю кончик пальца. И тут же зачем-то лизнул этот палец. Мотнул головой, недовольно проворчав что-то невнятное, и завернул кран. Открыл соседний "на всю катушку", присосался к нему и насыщался водой, пока живот не раздулся, как мяч. Удовлетворенно пыхтя, волосач пошел... на меня...

Веник дрогнул в моей руке. "Бодрись, — внушал я себе. — Тиль Уленшпигель метлой рыцаря из седла вышиб..."

Я чуть подался к углу: оттуда легче обороняться, все же стены прикроют с боков. Незнакомец бесцеремонно сцапал с лавки мою мочалку, почему-то понюхал ее и решительно приблизился ко мне. Не помню, как это случилось, но я забыл, что в углу удобнее держать оборону. И еще я подумал: глупо поступил, что не ушел из парной сразу, как только увидел это чудовище. Теперь отступать было поздно: космач отделял меня от двери.

Я крутился, опасаясь дразнить незнакомца веником. А сноумен ходил за мною, и внезапно выбрасывал в мою сторону руку с губчатой мочалкой. Что за нелепая игра?

— Да вы что, в конце концов? — закричал я ему.

Волосач отступил. Мне показалось даже, будто на лице его проступило выражение обескураженности. Да, отступил. Бросил мою мочалку на пол и удалился из парной, оставив дверь открытой...

— Нахал! — в сердцах бросил я ему вдогонку. Он даже не оглянулся.

Помывшись, я вышел в предбанник, который походил скорее на вестибюль большого здания. Там я вновь увидел косматого типа; он лежал за пальмой на тахте в той же позе, что и на полке в парной: на спине, одна рука закрывает глаза, другая потирает вздувшийся живот.

Банщик с приветливой улыбкой подал мне полотенце и кивнул в сторону снежного человека.

— Хорошо он вам потер спину? — спросил он по-русски.

— А разве он... — Я догадался, в чем дело. — Он... умеет?

— Отлично трет. Повар "товарищ Пак" научил его работать.

"Как хорошо, что я не пустил в ход веник! — подумалось мне.

— Зовут его Тарзаном. Так русские товарищи назвали, — сказал банщик.

— Вы превосходно говорите по-русски, — не удержался я.

— Да, я знаю русских, — отозвался банщик. — В разных странах приходилось бывать. Я — старый человек. Господа не отказывались от моих услуг, а требовали их. Советские люди — не господа. Простые. Не позволяют тереть им спину. "Отдохни, отец, — говорят, — мы сами". Все сами. Нам даже неудобно было. Тут Пак и решил приучить Тарзана к делу...

Спустя несколько дней к Тарзану привезли подругу, Читу. Санитарная инспекция держала ее в карантине.

Прощай, воля! Как всякому семейному гражданину, Тарзану прибытие Читы сулило и радости, и некоторое стеснение. Отныне его вновь водворили в клетку, где на высоте человеческого роста был установлен маленький домик.

Тарзан растянулся на полу клетки и горестно вздыхал. Видимо, жаловался Чите на прошлое свое одиночество... Подруга нежно ухаживала за ним, копошилась в его шерсти.

Но Тарзан был чист, как ангелочек. Не зря же он работал банщиком!

— Что делать будем с Тарзаном, Чита?

Обезьянка понимала, что от нее требуется. Живо взбиралась под потолок и хватала Тарзана за шею. Оглядывалась, с гримасой беспокойства: мол, скорей на выручку, Пак, а то вырвется... Тарзан не сопротивлялся. Не хотел ссорится с подругой, натосковавшись в разлуке.

У обезьян великолепный глазомер, они безошибочно соразмеряют свой вес с прочностью ветвей, и падают с дерева очень и очень редко. Но Чита упала...

В тот день мы не могли сманить Тарзана на землю.

— Ничего. Оголодает, — придет к клетке, — сказал повар товарищ Пак.

...Увы, Тарзан не желал расставаться со свободой. Он не пришел к клетке.

...Я сижу ночью в своей комнате у открытого окна, не зажигая света. В густой лиловой тьме блудят фосфорические огоньки светляков. Пахнет испарениями теплых прудов. Но таинственное очарование ночи не может отвлечь меня от дум о родине, о близких.

Внизу под окном что-то глухо звякнуло. ...Похоже — кто-то лезет по водосточной трубе... Я схватил с подноса пару увесистых яблок и отступил в глубину комнаты.

Ночной гость неясным силуэтом зачернел в оконном проеме, ловко взобрался на подоконник и прыгнул на стол. Ого!

Утром мы посмотрели в кустах напротив дома — там валялись многие десятки оранжевых мандаринов, желтых апельсинов и зоряных яблок. И — шелуха, корки... Тарзан был запаслив!

...Мы сидели на лавочке в беседке и играли в шахматы.

— Глядите-е! — закричал кто-то из наших.

На шее у Тарзана болтался... фотоаппарат "Киев"!

Началась облава на Тарзана. Как угорелый, метался он, перепрыгивал с дерева на дерево. "Киев" мотался у него на животе.

— Помогай, Чита!

Тарзан вихрем мелькнул в кустах, подбежал к подруге и тоже принялся подкрепляться. Чита заинтересовалась фотоаппаратом, потянула его к себе. Тарзан сердился. Однако обезьяна не унималась; цепко ухватившись за "Киев", она дергала его: дай!

...Корейские "товарищи" где-то раздобыли пятерых лисят. Крошечные рыженькие щенки. Куда их девать? Сделали для них будку и внесли в обезьянью клетку.

Чита и Тарзан отнеслись к новоселам до странности равнодушно. Может быть, потому, что были расстроены семейной ссорой. Они с высоты домика осмотрели будку — и все.

Через час из будки выполз лисенок с забинтованной передней лапкой. Лапку ему повредили, наверное, при поимке. Лисенок этот дольше других был на руках у людей, поэтому и вел себя смелее своих братцев и сестриц.

Тарзан сидел на крыше своего высотного домика и только пренебрежительно покосился на смельчака. Он сердился на Читу: зачем помогла людям поймать его, Тарзана?!

Чита, оправдываясь, ласкалась к нему. Скатившись на пол клетки, она тотчас схватила свое дамское зеркальце и стала оглядывать себя: все-таки неудобно показываться на людях с синяками...

Лисята со временем освоились в клетке. Обезьяны не были в претензии на новоселов. Как-никак общество! И то один, то другой лисенок, зацепившись острыми коготками за стенную сетку клетки, висел, и подолгу, на высоте метра от пола, разглядывал проходящих мимо людей.

Я подошел к клетке. Ну что, думаю, может сделать мне такая кроха? Недолго думая, я просунул палец в ячею сетки, — прямо в рот лисенку. Ох! — я отдернул палец, подул на него. Выступила капелька крови. Зубки у лисенка оказались острейшие, словно шильца.

— Чита, — говорю, — что же это такое? Квартирант обижает твоего старого знакомого. Столько конфет, яблок давал тебе! Что же это делается, а? — показываю на лисенка, который как ни в чем не бывало висит в прежней позиции и облизывается.

Чита прямо с крыши своего домика протянула руку, схватила моего обидчика за острое ушко и дернула. Да и не как-нибудь, а с вывертом... Ведь это очень больно, когда ухо выкручивают!

...Через месяц после возвращения в СССР я получил из Северной Кореи посылку. Открываю ее. Калоши! Мои калоши, похищенные Тарзаном. ■

Валентин Марков

ПОЧУДИЛАСЬ ОСЕНЬ

Лес напоминал старую рыже-зеленую кошку, всласть нагулявшуюся, и вылизывающую полинявший мех. Семя выращено и развеяно. Инстинкт размножения затих до будущей весны. Внимательные зеленые сытые глаза наблюдали за каждым движением.

"Москвич", сбоку, боднув косогор, присел на нем и, по-собачьи склонив голову, недоверчиво разглядывал лужу. Вдоволь наглядевшись, он подошел поближе, пощупал черной лапой и, брезгливо фыркая, окунулся в нее. Вода зажурчала под брюхом. Отряхнув мокрые галоши-шины, сердясь на себя за этот видеосеанс, он резво побежал дальше.

Собачка, выкрашенная под осень, перемахнула через дорогу — и пошла полыхать огоньком на зеленом фоне сосен.

Грибы, посиневшие от холода, ни за что не хотели вылезать из-под хвои, — как из-под одеяла не хотят вылезать ребятишки в холодной нетопленной избе.

У обочины дороги кряжистый пень, словно деревенский мужик в раздумьи чесал затылок, скрадываясь в кустах, словно хотел схватить одну из проезжающих машин и утащить в чащу:

— Проголосую, — остановится, а я ее хвать, да деру!

А машины проскакивали мимо, — и он вертел огромной башкой и продолжал нерешительно топтаться на месте и чесать замшелый затылок, и уже не порывался выскочить на дорогу.

Осинник, подожженный осенью, испуганно стряхивал с себя листья, горящие холодным пламенем, и трепетал.

А пламя осенней печи пожирало свежую порцию зелени.

Пахло грибами, сыростью и сожалением о прошедшем лете.

Лес, словно пропившийся золотарь-гулеван, раскидавший направо и налево червонцы и спустивший все — до нитки, прислушивался, принюхивался.

Коричневая собачонка с подозрительно длинными ушами и белой салфеткой сзади необычными скачками шлепала в кусты.

— Это что за порода такая? — Да это же заяц! Такой русачище! — вот и довелось увидеть "косого" живьем!

Навстречу редким облакам неслись верхушки деревьев, — холодеющее небо все больше раскрывалось и раздевалось.

Вдруг среди ясного неба возникло черное облачко.

— Неужели НЛО? Вот здорово!

Ага, — еще какой опознанный местный коптильщик-самолет так сзади закоптил свое изображение дымом, что исчез за ним!

Вот он вылез из своего убежища, как из норы, блеснул рыбьим хвостом и, ворча, пополз в сторону.

Зеленый контур женщины обнимал желтую подушку горы, не решаясь с ней расстаться, словно после истерики лежала женщина, прислушивалась и молчала.

Куда-то исчезли докучливые, но честные лесные комары, — в отличие от домашних комаров-партизанов, кусающих только ночью, — у себя в лесу они кусались и днем, и ночью.

Белка, свесившись с нижней ветки, сердито зацокала на незванного гостя с его остро пахнущей ярко-красной телегой.

— Не шуми, симпатюля, — я скоро уйду!

Бывший когда-то веселым, ручей наполнялся холодом и темнотой, — старческим ртом шептал, шепелявил меж камней.

По талию обломана искусно
с мохнатым полотенцем на плече
дебелая береза с женским бюстом,
согнувшись, мыла голову в ручье.

Редкий туман прозрачным воротником окутывал простуженное горло сопки. Лысая макушка выпрашивала шапку.

— Будет тебе шапка, — белей не бывает!

Ветки, качнувшись, заплетались меж собой. Почудились голоса, — на миг они притихли и вновь — шум детворы в детсаду за закрытыми дверьми. Казалось, — детишки-шалунишки выглядывают из листьев и тут же прячутся.

Няня-ветер, по-хулигански насвистывая, подметала детскую шалость — опавшие листья, но вдруг развеселилась сама и выкатила прямо на дорогу огромное перекати-поле-шар: "Что же с ним делать?". Так ничего и не решив, она покатила его дальше:

— В хозяйстве все пригодится!

Лесная коряга в ожидании попутной машины, подмерзая, притопывала неуклюжим деревянным сапогом.

За пазуху незаметно, но настырно лез холодок.

Прилетела синица и насмешливо глянула в мою сторону:

— Ц-ривет!

— Ц-взаимно! Ц-наше — вам ц кисточкой! — но птичка уже не обращала на меня внимания.

Природа, как увядающая женщина, еще красива, — но уже мудра и молчалива.

Явственнее проступили морщины засохших деревьев — следы горьких дней и дум.

Животворные соки земли спешили до холодов спрятаться поглубже — в корнях.

Деточки-сосенки, взявшись за ручки, брели к опушке леса, а большая старая сосна любовно поправляла на них зеленые платьица, махала большими лапами и ласково глядела им вслед.

Черными цветами цвели старые вылущенные и растрепавшиеся шишки на песчаной желтизне старой хвои.

Из леса, осторожно ступая и шурша, останавливаясь и оглядываясь, уходило лето.

Я молчал и думал...

1997 г.

Михаил Вишняков

СОЛОВЬИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

* * *

На пароходике в низовьях Шилки
обрывок разговора: "...между тем
я старый мастер, я чиню машинки
печатные, всех марок и систем.
Почищу буквы так, чтобы сверкали,
налажу ход, вверну разбитый винт,
и вот уже машинка под руками
стрекочет и поет, и говорит.
Вот ты ученый человек, однако
лишь мне порой, как никому, видна
избитость восклицательного знака
и вопросительного новизна.
Я стар уже для всяких порицаний,
но сколько каждый год подряд
сменил я самых новых восклицаний,
а старые вопросы все стоят..."
Взревел гудок, и длинные матросы
спустили трап на галечный причал.
И он пошел,
ссутулившись вопросом.
А собеседник думал и молчал.

1972 г.

ЭТНОС

ЗВОН СВЕТЯЩЕГОСЯ БУБНА

Нина Коледнева

Много чего на своем веку повидал старый Чапо, не счесть, сколько ягельных болот облазил и медвежьих троп истоптал. Начнет о прожитом вспоминать, заслушаешься.

Но последнее время чудить стал старик, заговариваться. Особенно если речь о шамане, владевшем светящимся бубном, заходит. Или о снежном человеке.

...Давно это было, так давно. Чапо тогда еще свои семнадцатые унты не сносил, а он, почитай, девяностую пару донашивает — по паре за год. Так вот, в ту пору шаман из его племени в Верхний мир ушел, не передав свой священный бубен преемнику. Рассерчал на эвенков, которых зависть и злоба опутали. А, может, не родился тогда еще эвенк, которому суждено бубен удержать? Не простая это ноша. Многие пытались подступиться, но долго после болячки зализывали. Да и шаманом сумеет стать не каждый. Это Чапо хорошо усвоил, хоть и мальцом был.

Чапо помнит, как люди из его стойбища по весне решили кочевать на дальние стоянки к реке Сюльбан. Слава об этих угодьях далеко шла — ягель там сочный, и голубика рясная. Но шаман, у которого удачи просили, долго в бубен бил, к эху в горах Кодара прислушивался. А эхо отчего-то все нарастало, становилось тревожнее, напоминая шум и грохот обвала.

У Чапо особый резон шамана помнить был. Как-то его отец, охотник Чирами, то есть меткий, ушел зайчатину к ужину добыть. Но вот месяц на небосклоне всплыл, как лодка-долбленка на гладь озера, звездочки, словно разлетевшиеся искры от костра, засверкали, не слышно шагов охотника. Месяц уплыл за хребет горы, солнце поднялось, словно раскаленная добела жаровня для камлания, а охотник все не спешит к родному стойбищу. Сердце Элдоны, матери Чапо, недоброе почуяло. Она привязала захлебывающегося слезами мальца за спину и, прихватив шкурки горностая, поспешила на поклон к шаману.

Дары шаман отодвинул в сторону. Сказал: "Шкуры истлеют, добрые дела добавят". Сам взгляд вдаль устремил. Сначала за ближние гольцы. Потом за Кодарский хребет.

Но вот шаман очнулся. Сказал Элдоне: "Жив твой мужик. Через три дня вернется". И еще добавил: "Однако, вовремя я подоспел".

Так и случилось. Охотник Чирами появился в стойбище на исходе третьей ночи. Поведал о своем чудесном спасении. В погоне за изюбром он сорвался со скалы. Когда падал, зацепился за уступ и повис над бездной. Сколько провисел — не помнит. Пальцы рук занемели, сознание временами покидало его. В минуту просветления Чирами увидел над собой шамана, тот тащил его из пропасти. Или в бреду померещилось? Охотник не помнил точно, как оказался в безопасном месте. Но отлежался и пустился в обратный путь, к родному чуму.

...Откуда родом этот шаман и сколько ему лет — даже старики в стойбище не ведали. Жил шаман на вершине Лунного гольца.

Немало в северной тайге заклятых мест, а Лунный голец на особом счету. Эвенки давно приметили: птицы никогда не садятся на его уступах, стороной облетают. А охотники, погнавшиеся за добычей, с гольца уже не возвращаются.

Но молодых эвенков любопытство, как голод пустой желудок, глодало. Страсть как хотелось тайну Лунного гольца выведать. Сойдутся они у костра и гадают: почему, спрашивается, шамана блуждающие огни не пугают? Видно заговор особый знает, а им открыться не хочет. А если подступиться к душам предков, сколько охотничьих секретов вызнать можно! Втихомолку многие у шамана тайну пытались выведать, да без толку. Ункур другое надумал.

Снарядился тайком в дорогу. Вместо берданки прихватил четырехзарядное ружье, доставшееся ему в лабазе от русского гостя — подгулявшего геолога — в обмен на пушистые шкурки соболя. С таким снаряжением впору на медведя-людоеда идти.

И вот однажды, лишь стало смеркаться — огни, не иначе, Ункура манили, — он хлебнул из фляги спирту для храбрости и начал подъем на голец. Но и половины пути не одолел, дорогу ему заступил... собственный двойник. Ну, паря! Вылитый Ункур, вот только одеяние странное. Вместо привычной кухлянки на нем комбинезон из тончайшей ткани, напоминающий выделанную рыбью кожу. Комбинезон отливает серебристым цветом, да так тесно к телу приникает — ни морщинки не видно, ни зазоринки. И еще одна странность: глаза у двойника — темные, без зрачков. Однако зрячие, до нутра пробирают. И будто не только потаенные мысли до донышка видят, но и будущую судьбу наперед знают. Глянул двойник на Ункура в упор, без обычной человеческой теплоты и приветливости во взгляде, словно жестким, ледяным дыханием иного мира обдал. Как от толчка, вниз с гольца Ункур кубарем катился, себя не помнил.

Очнулся. Лежит у подножия гольца, ни ног, ни рук не чувствует. Осенний злой ливень наотмашь стегает его по лицу холодными струями. А над ним шаман ладони в напряжении простер, словно ими, как магнитом, отяжелевшее тело Ункура поднять с земли старается. Увидел, что тот, наконец, глаза открыл, сказал:

— Не по себе ты цель выбрал. Обходись наперед белками.

Большим хитрецом этот Ункур слыл, вот в чем дело. Все у него к рукам липло. Частенько так случалось, что Ункур жирной олениной лакомился, а соседи в пустой котел смотрелись. Сородичи у него патронами в охотничий сезон одалживались, расплачивались же добытыми на охоте трофеями, сами опять ни с чем оставались.

Молодые эвенки — из тех, кто еще не попал в силки к Ункуру, вовсю потешаться начали. Особенно девка одна, Урсула, языкастой оказалась:

— Сознайся, Ункур, с пьяных глаз и не такое померещиться может?

Время шло. Урсула подросла, и у многих парней занозой в сердце засела. Еще бы! Сладкая, как ягода-голубика, гибкая, как ствол молодой лиственницы. Ункур тоже равнодушным к ее красоте не остался.

Но женихи один за другим от ворот поворот получали. Урсула — девка с норовом. Для всех у нее один ответ приготовлен: "Походи год в работниках, там посмотрим".

Но Ункур ждать не любил, всегда пытался укоротить путь. И тут придумал, как соперников в беспомощных младенцев превратить, а девку тем временем заарканить. После ночи, проведенной с ним наедине в чуме, как шелковая станет. Кто поверит, что не по своей воле на оленьи шкуры легла?

Ункур не поскупился, из лабаза ящик спирта приволок. Всех парней и молодых мужиков в стойбище споил, к ночи в лежку лежали. Чапо, хоть и в лета еще не совсем вошел, тоже спирта тайком хлебнул и после сутки спал беспробудно. Поэтому о случившемся в ту пьяную ночь знает лишь понаслышке.

А случилось вот что.

...Ункур дрожал от нетерпения, видя, что огненная вода его соперников по рукам и ногам вяжет. Еще немного — и девка в его власти будет. Глядь, шаман без зова с Лунного гольца в стойбище спустился. Опять Ункуру планы спутал. А шаман тем временем камлание начал. Закрутился с бубном в руках, волчком пошел. От пляски его зрителей и в жар бросает, и в холод.

Угомонился. Странные речи завел. "Чует, кончается его земная миссия, больше ничем он лесным людям помочь не сможет".

Ункур подскочил к шаману:

— Силы на исходе, говоришь? Сейчас проверим.

Эвенки и охнуть не успели, в руках Ункура охотничий нож оказался. Взмахнул он им, и нож, словно сквозь масло, через тело шамана прошел, не нанеся ему вреда.

Заскрипел зубами Ункур, себя не помня от бешенства, к бубну рванулся. Но бубен от толчка отлетел на кострище, где еще тлели головешки. И вдруг раздался треск, будто голодный медведь зимовье ломает, по бревнышку разносит. То бубен внутренним жаром раскалился и разлетелся на куски.

Напуганные эвенки, еще не покинувшие нагретые места у кострища, ниц упали, в страхе головы руками прикрыли. Один Ункур храбрился. Сплюнул сквозь зубы и ушел в чум, спать. Силой ли, добром ли Урсула за ним последовала, никто не видел. Но наутро из чума вышла, покрыв голову, как замужняя.

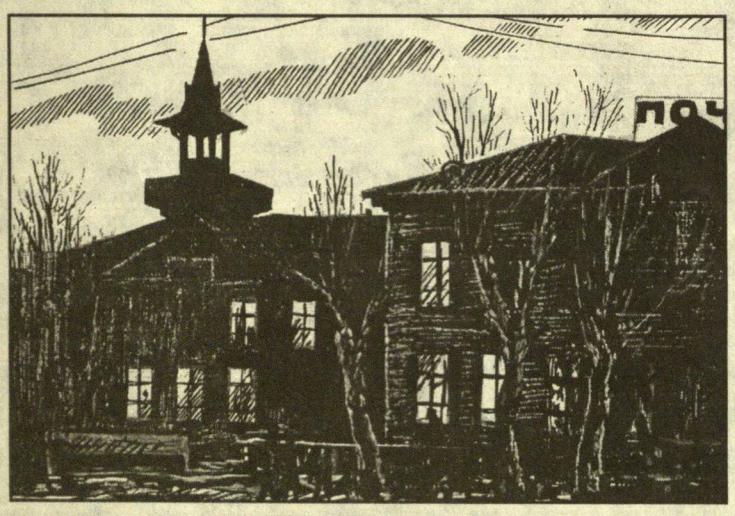
Наутро эвенки хватились: нет шамана, исчез бесследно. Вскоре и самих участников последнего камлания, считай, та же участь постигла. Стали слабеть, хиреть на глазах. Из всего рода лишь Чапо уцелел да младенец, которым Урсула разрешилась, сама же умерла от потери крови при родах.

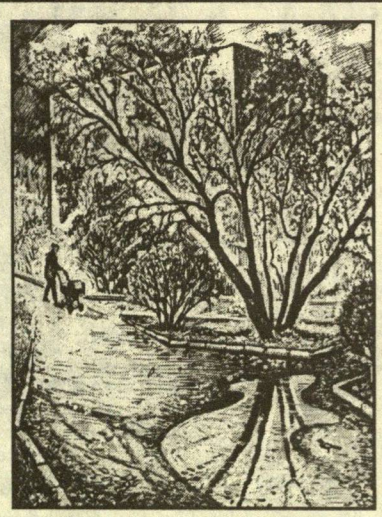
Чапо поил мальчишку молоком важенки, умывал березовым соком. Имя ему дал Ниро — самый сильный. Не в пример другим младенцам, он шибко крупный да волосатый родился. А так — смышленый малец. Подрастать начал, да вот беда. Сверстников нет, куда ни кинься в урочище. Так Ниро в товарищи для игр выбирал то волчьих щенят, то с лисенком подружится. А как-то Чапо его в берлоге у медведицы отыскал. Отстегал для острастки лиственничным прутом. Ниро орет благим матом, оправдывается: "Медведица — добрая, меня ягодой угощает".

Ниро вдали от людей совсем одичал, родной язык подзабыл. Привык волкам подвывать, да вслед за птицами языком прищелкивать.

А человек все же, и к себе подобным Ниро тянуло. Как-то вышел к биваку геологов. Те в крик: не то медведь на задних лапах, не то дикая обезьяна, непомерно шерстью заросшая, к ним в гости пожаловала. С испугу за ружья схватились. Ниро деру дал, конечно. Знал, для чего эти игрушки приспособлены. Но с тех пор молва среди пришлых в тайге людей разнеслась: на северных гольцах какое-то чудище волосатое объявилось. То ли гуманоид, то ли реликтовый человек. Вот и зачастили экспедиции. Всем снежного человека отыскать хочется, — зло заключил рассказ Чапо.

— Впрочем, — он хитро прищурился, — следопыты из них... что из моей восьмидесятилетней старухи — рожеица. Так что бесполезно, пока я жив, на Ниро с сетями да капканами охотиться. ■

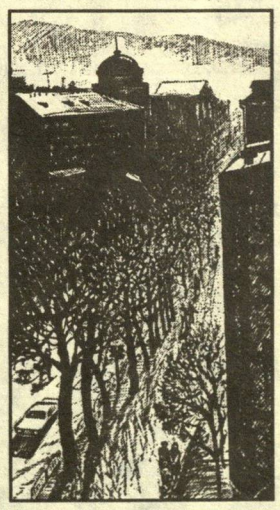

Любовь Митюкова

Приехала в Забайкалье в 1978 году и уже без малого двадцать лет работаю художником в газете "Забайкальский рабочий". Рассматривая свои рисунки, сделанные 10 лет назад, поймала себя на мысли, что они как старые письма, фотографии несут на себе печать документа, т.к. сделаны были с натуры.

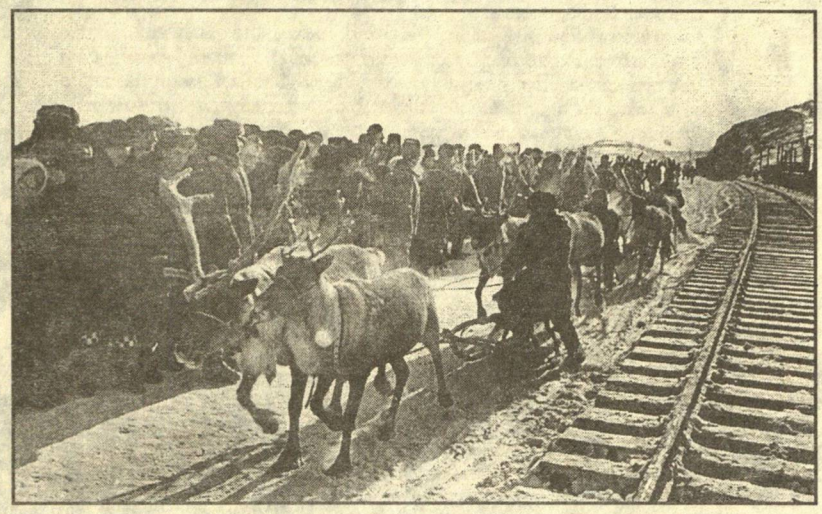

МАСТЕР-КЛАСС

Виктор Дианов начинал путь в мастера на страницах областной газеты "Комсомолец Забайкалья". Старания молодого фотокора заметили и пригласили в московскую контору союзного "Гудка". Так что в "Забайкальский рабочий" Виктор пришел готовым профессионалом.

Как всякий нормальный человек, Дианов хорошо относится к себе, а значит, уважает дело, которому столько лет служит. Кроме высокого профессионального уровня Виктора отличает категорическое неумение и нежелание халтурить. В творческом поиске он нетороплив, обстоятелен, умен и умел. Потому большинство его работ оригинальны, свежи и технически совершенны. В жизни Виктор достаточно общителен и любит завернуть что-нибудь этакое из Монтеня или Корнеги. Знай наших! А что?..

ОНОНСКИЕ ТАЙНЫ ЧИНГИСХАНА

Александр Баршов

С этим именем связана самая большая, можно сказать, всемирно известная, тайна нашего края. Речь идет о Чингисхане и тайне его могилы. Вокруг этого имени и тайны его захоронения идут нескончаемые на протяжении нескольких столетий споры ученых и не только их. Особенно много сказано и написано на эти темы в XX веке. А уж сколько различных поисковых экспедиций, отправлявшихся на поиски могилы Чингисхана, было организовано за эти годы...

Где же он родился?

Если открыть любую из советских энциклопедий, узнаешь, что Чингисхан родился на территории нынешней Читинской области. А именно с местом его рождения многие ученые связывают и место его захоронения. Казалось бы, все ясно. Но не тут-то было. Дело в том, что, к примеру, ученые Монголии доказывают, что великий завоеватель родился на территории их государства в нынешних его границах. Но с первыми и вторыми не согласны многие историки Китая, пытающиеся доказать, что Чингисхан родился на территории нынешнего Северного Китая и, более того, он и сам был китайцем. С ними со всеми спорят историки Японии, уверенные, что такой великий воин мог родиться только в Стране Восходящего Солнца и был по своему рождению, соответственно, японцем. За всеми этими спорами, к сожалению, очень часто стояли политические цели и интересы той или иной страны или силы внутри каждого государства. Не будем останавливаться на доказательствах тех, кто утверждает, что Чингисхан не был забайкальцем, ведь мы-то убеждены в том, что он — самый знаменитый наш земляк.

Итак, согласно принятой в России точке зрения, Темуджин, в будущем ставший грозным Чингисханом, родился предположительно в октябре 1155 года в урочище Делюн-Болдок на реке Онон. (Называют, правда, и другую дату рождения — 1162 год).

Монгольская хроника XIII века, известная как "Сокровенное сказание", сообщала, что основатель монгольской государственности Чингисхан родился в местности именно с таким названием. Другая монгольская летопись "Алтан Тобчи" утверждает, что он родился на острове, что на реке Онон, в месте под названием Дэлигун-Болдаг.

В среднем течении реки Онон, напротив села Нижний Цасучей (административного центра Ононского района), между двумя рукавами этой реки и расположен самый большой на этой реке остров Экэ арал (букв. "мать-остров"), в местном русском произношении как писал ученый Д. Дамдинов, — Акарал. Размеры острова (длина почти 20 километров и ширина около 10), видимо, и послужили основанием для его имени. Вот на этом-то острове и находится урочище Дэлюн-Болдок, расположенное ближе к левому рукаву и недалеко от села Кункур Агинского района.

А теперь обратимся к исследованию ученого, потомственного хамнигана Дашинимы Дамдинова, фрагменты которого в 1995-1996 годах были опубликованы в газетах "Бурятия" и "Забайкальский рабочий". Он, в частности, пишет, что "в памяти народной сохранились названия острова и урочища на нем, но многие факты, связанные с рождением Чингиса, приобрели легендарный характер. Хотя русские (дореволюционные и советские) и монгольские исследователи интересуются этим местом с давних пор, оно точно не определено до сих пор. Потому что коренные жители бассейна реки Онон — ононские хамниганы — никому точно не показали то место. Поэтому даже агинские буряты, пришедшие в агинскую степь не так давно, в начале XIX века, тем более, русские исследователи не получали точных сведений и путают то священное место с другим".

Тем не менее, Д. Дамдинов "проследил", как шло формирование российской точки зрения относительно места рождения Тэмуджина. "Первым из русских исследователей, — сообщает он, — проводившим поиск места рождения Чингиса, явился член-сотрудник Русского географического общества А.П. Юренский. Прежде чем выехать на поиски, он консультировался у Доржи Банзарова, в то время находившегося в Иркутске". Д. Банзаров в своем письме, сославшись на средневековых историков Рашит-Эддина и Абульгазы, указал именно на урочище Делюн-Болдок. Затем А. Юренский побывал в этих местах и дал их описание.

"Следуя описаниям А.П. Юренского, — пишет Д. Дамдинов, — русские и советские исследователи (Г.Н. Потанин, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В. Васильев, С.В. Киселев и Ю.С. Гришин) продолжили его исследования и подтвердили его же мнение относительно места рождения Темуджина". Этой же точки зрения придерживается и сам Д. Дамдинов.

Итак, место известно, но при этом точно не определено. Почему? Отчасти на этот вопрос ответ дан. Кроме того, возможно это связано и с тайной погребения, во всяком случае с одной из легенд, этому посвященных.

Как "чуть-чуть" не нашли могилу Чингисхана

Так назвал одну из глав своей книги "Из глубины веков" читинский археолог М. Рижский. В ней он поведал вот такую историю: "Совершенно непонятный для меня случай произошел летом 1961 года. Приходит ко мне некий гражданин К. и сразу заявляет, что он ни мало ни много нашел могилу Чингисхана. Признаться, только услышав это, я сражу потерял интерес к нему и к его рассказу". Почему? Самое интересное, что в качестве основного аргумента археолог привел почти чеховскую фразу: "Потому что это совершенно невероятно". Опять же — почему? Сработал, похоже, своего рода стереотип. "Легенд о Чингисхане по Забайкалью ходит множество, — объяснял свое неприятие автор книги. — Это можно понять — как-никак здесь его родина. А особенно распространены легенды о смерти и погребении завоевателя. По крайней мере, в двух десятках мест Читинской области и Бурятии показывают пункты, где будто бы находится могила Чингисхана: обычно это какое-нибудь глухое ущелье или пещера, или одинокая роща посреди степи". И никто, к сожалению, это добавлю уже от себя, не собрал все эти легенды, пренебрежительно отмахиваясь от "ненужной" информации. А ведь не зря гласит народная мудрость, что "нет дыма без огня". Но вернемся к воспоминаниям М. Рижского.

"Однако он, не смущаясь моим довольно выраженным недоверием, — писал ученый, — продолжал рассказывать, будто осенью прошлого года, охотясь на уток, он нашел в одном месте два обрывка цепи, которые уходили под углом в землю. А так как он, К., еще в детстве слышал предание, что Чингисхан был похоронен в золотой лодке, зарытой в землю на железных цепях, то он считает, что эти-то цепи он и нашел. А где-то под землей на этих цепях должна быть и золотая лодка. Я, с оттенком все же сомнения, конечно, понимал, что золотая лодка — это очередная небылица, отзвук древней легенды. В рассказе К. меня смущало другое — что это могли быть за цепи?" Но уточнять он не стал, так же как и не поинтересовался этим местом на карте...

"После разговора я больше его не видел. Но позже узнал, что этим дело отнюдь не окончилось. К., оказывается, написал письмо в Академию наук, и одному из археологов, приехавших на раскопки в Читинскую область, было поручено проверить это сообщение. Как мне позже рассказывал этот археолог (к сожалению М. Рижский не называет его имени), они на автомашине проехали вместе с К. до 300 километров на юго-восток от Читы. Там К. водил археолога целый день по топям и болотам, измучился сам, измучил своего спутника и... никаких цепей не нашел. К. в отчаянии повторял, что запутался, забыл место, но он обязательно найдет цепи... Так я до сих пор, — заканчивает свой рассказ автор, — и не знаю, что подумать обо всей этой странной истории". Если же прикинуть эти 300 километров на юго-восток от Читы, то мы "упремся" в "треугольник" Ононского, Оловяннинского и Агинского районов, то есть в те самые места, где родился и провел свое время Темуджин, и где и родилось наибольшее количество легенд, которые все далеко не беспочвенны. И лично я верю, что некий К. действительно нашел и потерял какие-то таинственные цепи, хотя непосредственно к тайне могилы Чинигисхана они вряд ли имеют отношение. Скорее, это какая-то другая тайна нашего края.

Но все же наиболее приближенной к вероятности является "ононская версия" или те легенды, которые связаны с местом рождения Чингисхана.

Об одной из них рассказал несколько лет назад на страницах газеты "Забайкальский рабочий" известный в области краевед А. Сизиков. Эта история произошла с ним более 30 лет назад, когда он, молодой тогда начальник Кайнозойской тематической партии, побывал в Ононском районе.

"На окраине Кубухая (небольшое село на берегу реки Онон — авт.) ко мне, — вспоминал он, — подошел бодрый старик и уверенно сказал: "Не тут ищите! Он на дне".

— Кто он? — спросил я.

— Как то есть кто? Вы ищете могилу Чингисхана?

Тогда я чуть-чуть смикитил и в некоем "сослагательном наклонении" обмолвился, что попутно не исключаем и этот "поиск".

Из дальнейшего разговора стало ясно, что старожил (не забудем, что русские появились здесь лишь в XVII веке) был уверен, что великий завоеватель покоится на дне Онона и именно недалеко от Кубухая. А. Сизиков проникся этой же уверенностью и даже поведал о своей "интригующей находке" — куске кожи, которая к нашей истории скорей всего не имеет никакого отношения. "Итак, — сделал краевед свой вывод, — Кубухай, возможно, откроет тайну захоронения Чингисхана. Ведь не случайно же у приононских казаков "жила" легенда!"

Вот с последней мыслью можно полностью согласиться. Что-то от аборигенов-хамниган первые русские "землепроходцы" могли услышать и запомнить, со временем, правда, как обычно, использовав при передаче "испорченный телефон". Так что Кубухай, так же как и Кункур, какую-то легенду и хранит. Возможно, что и тайну могилы Чингисхана. ■

Николай Кузаков

ДЕД КОЛДУН

С давних времен дед Колдун живет у Горячего ключа. Небольшая избушка его стоит под хребтом. От нее по низине луг длинным языком вытянулся. Зимой он в снегу, а летом в цветах. В конце луга — небольшое озерко, где из-под берега бьет горячий ключ. Место здесь глухое, дикое. Зверь не пуган.

Дед Колдун в годах преклонных, но еще бойкий. Ростом невысок, серое лицо с глубокими морщинами опоясывает короткая бородка, усы с рыжинкой. Глаза с прищуром, цепкие. Ходит он трусцой, будто куда-то торопится. Обут в ичиги. К старой кепке приколот булавкой накомарник. Поверх застиранной рубахи надета меховая безрукавка.

Хозяйство у старика небольшое: две зверовые собаки, злые, как дьяволы; рыжая лошаденка, на которой он раз в месяц ездит по горным тропам в село за продуктами; да три ружья: двустволка, тозовка и бердана, с которой он еще с семеновцами воевал.

В те годы, когда дед Колдун жил в селе, к Горячему ключу ездил только зверовать. А когда ноги ослабли, поселился здесь навсегда.

Жизнь свою он прожил холостяком. В селе разное про него рассказывают. Говорят, в молодости у него невеста была, красавица, каких свет не видывал, первая певунья на все село. Да только какой-то парень обидел ее, она не снесла позора, кинулась в речку. А парень тот пошел на охоту и — не вернулся. Может, пуля его где подстерегла, может, зверь. Тайга умеет хранить тайны.

Так это было или не так, за достоверность не ручаюсь, в наших местах любят рассказывать страшные истории. Другой раз можно такое услышать, что волосы дыбом встанут.

В селе деда Колдуна не забывают. У кого из охотников поясница заболит или простуженные ноги откажут, едут на Горячий ключ. Месячишко в горячих водах погреются, на песке покалятся, глядишь, хворь-то, как рукой сняло.

Дед Колдун — охотник знатный. Верно, душой горяч, так опять отходчив. Имя и отчество у него добрые — Серафим Лукич, и фамилия ядреная, сибирская — Дубровин. Вот как-то заболел в селе один охотник, сын ему и говорит: "Давай, тятя, отвезу тебя на горячие ключи, дедушка Серафим лучше всякого колдуна враз тебя вылечит".

И привязалось к человеку это паршивое слово. Сейчас спроси кого-нибудь из молодых: "Кто такой Серафим Лукич?" Никто не знает. А вот деда Колдуна даже ребенок из зыбки покажет.

Вначале Серафим Лукич обижался на такое поганое прозвище. Правда, трезвый вида не показывал, но когда примет рюмку-другую, посмотрит на своих товарищей и начинает выговаривать: "Сукины вы дети, Колдуном окрестили. Что я вам худого сделал?" Друзья его рады были бы забыть прозвище, да не в их это власти. Прозвище, как худая болячка, если прильнет, до гроба носить будешь, а то и детям, как наследство, оставишь. Серафим Лукич был мудрый старик, в конце концов махнул рукой на эту обидную кличку и сам себя стал звать дедом Колдуном.

Мы сидели с ним под сосной за столом. Серафим Лукич угощал меня вяленым мясом, свежепросольными хариусами и крепким чаем с золотым корнем.

— Долго думаешь у меня погостить? — спросил дед.

— С недельку пробуду.

— И правильно. Нет ничего пользительней лесного воздуха. В деревне я бы давно копыта откинул, а тут ничего, топчусь. Глаза малость притупляться стали, а так еще с любым зверем сладить могу.

После сытного ужина мы сидим у костра. Вокруг высятся горы, кое-где сереют каменные гребни. На западе алеет небольшая полоска. Из низины донеслось курлыканье журавлей. В хребте отрывисто прокричал гуран. Волной накатился прохладный ключевой воздух, пропахший мхами и смородиной.

— Дорогой зверя видел? — поинтересовался дед.

— На глаза не попадались, а следов много. В трех местах медведи ходили. Следы свежие. У Горелого хребта кабаны живут. На Светлой мари на пропащего изюбра наткнулся. Кто-то ранил. Живот в двух местах картечью пробит.

— Совсем измельчал народ, — вздохнул Серафим Лукич. — Вывелись настоящие охотники. Я, паря, здесь в лесу всякого насмотрелся. Изведем мы всю животину и птиц. И потому это происходит: охоту в забаву превратили.

Другой приедет на машине в лес, поднимет табун косачей. Косач — птица любопытная. Глядит с дерева на машину и старается понять, что за зверь новый объявился. Пока птицы разглядывают, а их всех из мелкашки и перестреляют.

На кой шут человеку столько птицы? Подстрелил одну-две и довольно. Так нет, пока весь табун не перебьет, не попустится.

А что зимой делается. Приедут на машине в горы, осветят прожектором сохатого. Стоит он, горемычный, шагу ступить не смеет. Тут его в упор и расстреляют.

Нет, коли ты охотник, разум тебе дан человеческий, ты зверя возьми в честной борьбе. Вот тогда всю сладость охоты почувствуешь, и к себе и к зверю уважение поимеешь.

Я все старые времена вспоминаю. Вот когда охотники были. Берет рогатину и выходит один на один на медведя. Тогда слабые духом зверовать не ходили.

— А вам, Серафим Лукич, не приходилось охотиться с рогатиной?

— Особливо я похвалиться не могу. Но был у меня товарищ Финоген Фомич Угрюмов, первейший медвежатник. Росту богатырского. А силу имел — медведя самого матерого на рогатине через себя кидывал.

Таежник... От природы молчун. Суровая жизнь научила быть сдержанным, осмотрительным. Поэтому лишний раз не обронит слова. Но уж если прорвет его и начнет рассказывать, тогда откуда что и берется: переплетет бывальщину с небылицей, да так, что только диву даешься.

— Как же он это делал? — спросил я.

— Молодые сейчас сумлеваются, ослабли душой люди, в диковинку им все это. А ты послушай.

Это давненько было. Мы с Финогеном друг без дружки чашку чаю не пили. Я-то был уже в годах, а он еще бороды не носил, но в силу уже вошел.

Рыбачили мы у Белого яра на Красной речке. День душный, парит. От паутов отбоя нет. Я что-то поднял голову и — обомлел: на другой стороне реки по берегу идут два медведя — матка и самец. Самец — матерый, как бык, смотреть страшно. Медведи полакали воды и ушли в лес по ручью.

Я говорю:

— Как бы на нас не набрели.

Финоген отвечает:

— Утянут в вершину ключа. Место там самое медвежье, глухое, отбойное.

Табор у нас был недалеко, под леском. Развели костер, на всякий случай рогатины приготовили: береженого Бог бережет. Прокоротали ночь, встали на заре. Собираемся сети смотреть. В заречье копалуха заквохтала. Мы вскинули головы: по следу вчерашних медведей прет косолапый. Ничего не видит, на губах пена. Свернул в ручей и — пропал.

— Сейчас потеха начнется, — проговорил Финоген.

И верно, вскоре в вершинке ручья рев раздался: самцы сошлись. Рев был жуткий. Не дай Бог тебе когда-нибудь услышать его.

Финоген закурил, кивнул в сторону ручья и говорит:

— Серафим Лукич, рискнем?

У нас из ружей был только дробовик: взяли утку или глухаря подстрелить.

Я и говорю:

— С таким-то ружьем... Ты что, одурел, Финоген?

А он отвечает:

— А рогатины у нас на что?

— Слабоват я на такое дело.

— Ничего. При нужде пособишь мне...

Вот так и сговорились. По старому обычаю обнялись. Ведь дело-то затеяли нешуточное, всякое могло приключиться. Взяли рогатины, переплыли речку и пошли в лес по ручью. Рев медведей прекратился. Наступила тишина. Давит на душу, дышать нечем. У меня аж ноги ослабели. Крадемся. Поляна. Под деревом матка лежит. Возле нее матерый самец ходит, заигрывает. Второй самец от них шагах в двадцати лежит, весь в крови, раны зализывает. Мы остановились с Финогеном на краю поляны, он впереди, а я за ним. Звери в недоумении смотрят на нас: мол, вас-то зачем сюда черти принесли? Проваливайте.

Финоген сделал шаг вперед и говорит:

— А ну, кто тут смелый?..

Медведи даже не шелохнулись. Наконец, матерый самец мотнул головой и пошел на нас.

— Серафим Лукич, а если бы они все трое пошли враз? — спросил я.

— Не-е, медведи не волки, все разом не кидаются, — ответил Серафим Лукич и продолжал:

— Так вот, прет на нас медведь. Финоген собой рогатину загораживает. Медведь — зверь смышленый. Учует, что у охотника в руках какое-то оружие, враз вышибет. Медведь не дошел до нас шагов пять, сделал вид, что встает, а сам как кинется на Финогена. Хорошо, тот наготове был. Всадил рогатину между шеей и лопаткой, распорол сердце пополам. Зверь схватил клыками за черенок рогатины, потом ударил перед собой лапами и весь обмяк.

Финоген выдернул рогатину, вытер ее о зверя и шагнул вперед. Теперь на него другой самец пошел. Один глаз у него затек, припадает на правую лапу. Остановился посреди поляны, глядит на самку. А та лежит себе преспокойно. Самец дико взревел и скачками кинулся на Финогена. Всю мою кожу будто холодом скорежило. Грудь расперло воздухом. А что, если Финоген оробеет? Будет мялка, не приведи Господь. Но Финоген и этого уложил. Вытер рукавом пот с лица и облегченно вздохнул. Поглядел на медведицу.

— А ты что развалилась?

Матка встала и трусцой побежала от нас. Я легко вздохнул: лешак с тобой, и так уморились. Только я так подумал, она возьми да и поверни обратно. И что на ум проклятой взбрело? На западе охотники сорокового зверя боятся, говорят, роковой. У нас хоть сорокового, хоть сорок первого добывают без опаски. Но есть свое поверие, если зверь побежал от тебя, да вдруг вернулся, прощайся со своей душой, этот задерет. Я оглянулся, куда бы при случае схорониться. Финоген видит такое дело, говорит мне:

— Ты что это, Лукич? Взбодрись!

Медведица косматой лешачихой прет на Финогена. Уже близко. Финоген поднял рогатину, чтобы встретить ее. А медведица в двух шагах от него остановилась, приподнялась немного и гребанула по груди Финогена, но обмишурилась, до него не достала, а вот рогатина из рук Финогена вылетела. Не успел он охнуть, а медведица уже на нем. Норовит клыки в лицо вонзить. Финоген схватил ее за нижнюю челюсть и не дает ей воли. Силушка у него была отменная: пятак в пальцах гнул. Другой рукой тянется к ножу и не может дотянуться, пенек мешает.

Я вначале растерялся, а потом ничего, окреп душой. Подбежал и опустил рогатину на затылок медведице, так лен на ее шее пополам и развалился. А потом для верности ударил под лопатку. Медведица и испустила дух. Финоген под ней лежит. Я спрашиваю:

— Ты живой, Финоген?

— Что мне сделается? Живой...

— Тогда помоги-ка мне оттащить эту окаянную распутницу.

— Как я тебе помогу? — отвечает Финоген. — С боков меня пни подперли, а сверху — эта чертова туша.

— Вот наказанье-то...

Я взял медведицу за лапу, потянул, она ни с места.

— Если ты, Лукич, не вызволишь меня немедля, я тебя запихаю под самого матерого зверя, который первый шел на нас, так и знай. Я с тобой шутковать не стану, — осерчал Финоген.

— Как ты меня затолкаешь, когда сам под этой блудницей, прости Господи, лежишь?

— Вылезу и затолкаю.

— Так вылазь, и не морочь мне голову. Шкуры-то снимать надо, а то попортятся.

Вызволил я Финогена, он сел на пень, закурил. Выкурил папиросу, глянул на меня и улыбнулся:

— Не холера ли?.. Я даже не понял, как у меня из рук рогатина вылетела. Как будто век ее не держал.

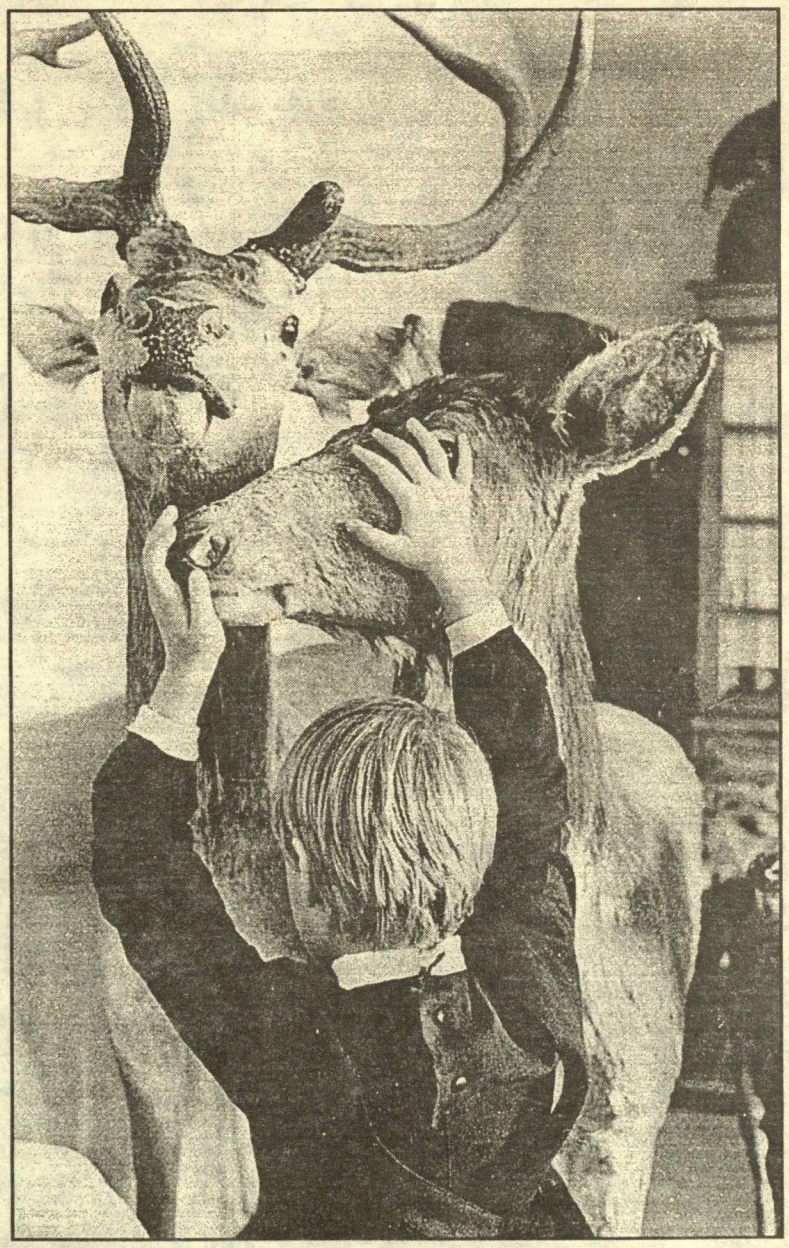
Вот это были охотники. Потом мы с ним еще не раз хаживали и на медведей, и на кабанов.

— А где же он сейчас? — спросил я.

Дед с минуту сидел в задумчивости, потом посмотрел в сторону озера, где поднимался шапкою туман, вздохнул.

— Погиб в тридцать втором году. Мы с ним колхоз создавали. Финогена председателем избрали. Весной дело было. Идем мы с ним по полю. В леске хлопнул выстрел. Бандитская пуля под самый сосок угодила. Упал ко мне на руки. Даже слова не успел сказать.

Дед замолчал. Заря уже отгорела. Легкий сумрак опустился в пади. Где-то в хребте, в скалах, тронутый зверем упал камень, его грохот прокатился по долине, и вокруг разлилась привольная тишина. ■

БЫЛЬЁ

Краеведческие даты не застанут нас врасплох, если мы будем слушать и слышать голоса минувшего времени. Сегодня — это голос первого гражданского и военного начальника Забайкалья конца XIX века — военного губернатора области, генерал-майора Евгения Осиповича Мациевского.

Елена Куренная-Берцик

ВЕК

Автором этого интереснейшего и малоизвестного обозрения стал совершивший зимний рейд "поперек тайги" военный губернатор Забайкальской области, генерал-майор Евгений Осипович Мациевский. Его рукописный рассказ о Баргузинской тайге 1896 года мы находим в Государственном архиве Читинской области среди обычных "Ежемесячных донесений Приамурскому генерал-губернатору о политическом состоянии области, происшествиях и различных событиях". Но уже из первых страниц "донесения" читатель поймет, что перед ним труд весьма и весьма необычный. Он несет на себе печать литературного дара автора, его неподдельного интереса к теме и умения излагать фактический материл с научно-исследовательским подходом. Заметим, кстати, что именно эти свойства натуры и пера Е.О. Мациевского сделали его деятельным учредителем (наряду с А.К. Кузнецовым и Н.В. Кириловым) и первым председателем Читинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического общества, основанного в 1894 году.

Итак, зима 1896 года. В сумерки февральского дня из Читы выехал караван кибиток и взял направление на Запад. Свое путешествие Евгений Осипович фиксирует карандашом на листах журнального формата. "2 февраля вечером выехал для обозрения части Баргузинской тайги, выбрав направление через ст. Домно-Еравнинскую (по тракту в г. Верхнеудинск 160 верст). Другой путь, через Верх-Читу и Подволошино хотя и короче на 105 верст, но зимою реже бывает снежным и на этом пространстве совершенно безлюден".

На почтовых лошадях военный губернатор области и сопровождавшие его помощники доехали до Домно-Еравнинской станции, дальше — на лошадях, "выставленных Хоринскими бурятами из ближайших по пути улусов: Ключи — 20 верст, Тором — 25, Талаши — 25, Ядлауза — 20 и зимовье Холой на левом берегу Витима, 25 верст".

По сведениям губернатора по Баргузинской тайге, в той ее части, на обозрение которой он отправился, в то время кочевали орочоны числом 469 мужчин и 379 женщин. Кочевали здесь со своими стадами и Хоринские буряты, переходившие Витим и доходившие до реки Амалат.

География тайги очерчена путешественником предельно ясно. "Под Баргузинской тайгой следует разуметь бассейны рек, впадающих слева в Витим, а также и сам Витим на протяжении течения его по Забайкальской области... То есть, все пространство ограничено: с Севера хребтом Муя, с Востока и Юга рекой Витимом и с Запада водоразделом рек Баргузина и Витима".

Особый краеведческий интерес представляет описание маршрута поездки.

"... Поперек тайги проехал по следующему маршруту: зимовье Индонгин — 35 верст, зимовье Верея — 45 верст, зимовье Амалат — 25 верст, зимовье Наректа — 30 верст, Серафимовский прииск — 25 верст, Григорьевский — 5 верст, прииск Задорный на р. Усой—35 верст, прииск по Талою—25 верст, прииск Гурьевский — 35 вер., Ципиканское зимовье — 35 верст, Зверевское зимовье — 40 верст, Чининское зимовье — 35 верст, Варваринский прииск — 15 верст, Новое зимовье на Икате — 45 верст, Верх-Икат — 25 верст, Под-Икат — 16 верст, а далее считается тайга еще на 12 верст до первого бурятского улуса Маректа; всего 510 верст".

Запись синим карандашом от 10 марта 1896 года гласит, что "во всей тайге имеется две церкви: одна во имя Петра и Павла при Григорьевском и Ульянинском приисках при реке Богдарин (в тексте таково написание наименования реки — прим. Е.К.)... и другая при озере Баунт. Священник отец

Иоанн Усольцев, один на всю тайгу живет при церкви Петра и Павла".

Подробно описан быт приисковых рабочих, их экономическое положение. И, что ценно, описание основано на лично проверенных фактах. "Пробуя пищу, повсюду находил ее приготовленную хорошо и в таком количестве, как ни один рабочий не имеет ее и в Европейской России: чай три раза; не менее 4-х фунтов хлеба и от 1/2 до 2 фун. говядины ежедневно, без постных дней. В общем на продовольствие рабочий издерживает от 50 до 60 коп. в сутки.

Объезжая прииски, губернатор проверял рабочие книжки, заработки нашел хорошими. У многих рабочих на руках имелось по 100-150 рублей. "Жалоб рабочими мне не было заявлено и вообще они произвели на меня более отрадное впечатление, чем я ожидал, судя по рассказам посторонних лиц.

... На Рождественском прииске... мне пришлось быть в воскресенье. Несмотря на полный отдых и праздник, я не заметил ни одного пьяного и все были чисто одеты; в особенности щеголяют хорошею обувью".

Отметив отрадную сторону тайги, Е.О. Мациевский подмечает и ее недостатки. "Слабая же сторона тайги, — пишет он, — это отсутствие духовной пищи и образования: на огромном пространстве только 2 церкви с одним священником, одна школа с 22 учениками и отсутствие почтовых учреждений".

В этих дневниковых заметках, адресованных генерал-губернатору Приамурского края Сергею Михайловичу Духовскому (Забайкальская область тогда входила в состав Приамурского края), Евгений Осипович хлопочет о лучшем материальном обеспечении Горного исправника Баргузинской тайги, об увеличении штата его ведомства; предлагает улучшить управление тайгой, разделив ее на 4 участка; ратует за независимость государственных служащих от золотоприискателей, за развитие духовности и нравственности в тайге. В его обозрении читаем: "При каждой церкви следует учредить школу, назначив в каждую по особому учителю с жалованьем по 600 руб. в год... Церковь и школа должны содержаться на счет Правительства, ибо только через посредство их можно рассчитывать вполне, что этот безлюдный край заселится, а местный орочон сделается истинным христианином, бросит бродячий образ жизни и со временем сплотится с пришлым православным людом".

Уже в те времена большой вред таежному и приисковому быту наносили спиртоносы, спаивавшие рабочих и особенно — эвенков. Поэтому понятна категоричность губернатора, когда он пишет: "Уверен, что спиртоношество должно исчезнуть, а также прекратиться тайная продажа водки приисковыми конторами. А рабочий будет получать за небольшую плату доброкачественный продукт, казна же приобретет немалый косвенный доход".

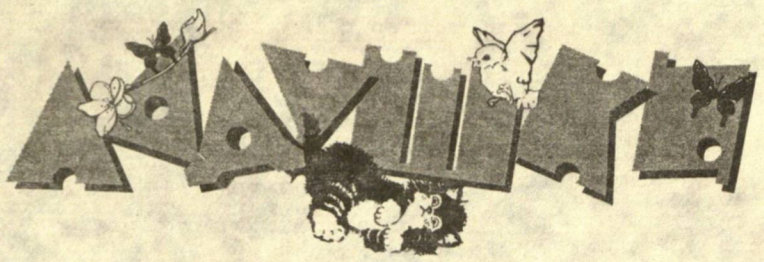
Пожалуй, Е.О. Мациевский был первым из числа инспектирующих Баргузинскую тайгу, кто заметил огромное экологическое бедствие, которое приносила добыча золота с тогдашней технологией разработок. "Направляясь в тайгу, я предполагал, что мне придется проезжать чрез непроходимые чащи и огромные лесные пространства. К прискорбию, ошибся: вокруг приисков на расстоянии десятка верст леса истреблены, причем не довольствуются сухостоем, а беспощадно рубят для пожогов сыро растущий лес. Для добычи одной куб. сажени породы необходима одна куб. сажень дров, из них половина должна быть сырых; ежели некоторые прииска выбирают в год до 1500 кубиков, а приисков всех более ста, то это наглядно указывает, какую массу леса истребляет ежегодно Баргузинская золотопромышленность.

Странно, отчего Горное ведомство, имея в тайге своего представителя в лице Горного Инженера, не обратит внимание и не укажет для добывания породы иного, более совершенного способа? Применение динамита и вообще взрывчатых веществ не только бы удешевило добывание золота, но сохранило бы массу дорогого лесного материала, который в тайге на каменистом грунте весьма трудно растет..."

Мы понимаем, что рапорт о нуждах Баргузинской тайги Е.О. Мациевский мог написать генерал-губернатору края по данным горных исправников, сидя в своем уютном губернаторском доме, глядя на потрескивающие дрова в камине. Но он предпринял это многотрудное зимнее путешествие в свои преклонные годы, ибо желал лично обозреть тайгу и помочь, насколько возможно, населяющим ее людям. "Теперь, когда лично обозрел тайгу, смею надеяться, что Вашим Высокопроисходительством будет сделано все возможное, дабы рабочий люд и коренное население тайги наглядно убедилось, что нашему Державному Государю одинаково близки интересы всех народов и лиц, населяющих Его обширную Империю".

При написании статьи автором использованы листы 27-41 Фонда 13, оп. 3, Ед. хр. 1 материалов Государственного архива Читинской области.

На фотографии: военный губернатор Забайкальской области генерал-майор Е.О. Мациевский. Пересъемка музейного фотоснимка В. Смолякова.

ГАДКИЕ УТЯТА ИЗ АКШИ

В конце лета в Акшинском районе произошло удивительное событие — впервые в истории Читинской области издана книжка-крохотулька стихотворений "Подснежник", написанная детьми. Двадцать четыре автора из сел Орой, Усть-Иля, Улача, Могойтуй, Убур-Тохтор, Урейск, Нарасун, Акша представили читателям мир детства с его солнечным сиянием, весенним пробуждением и осенним увяданием красоты, радостным восприятием жизни.

Маша Кочегарова

ФОМКА ЕРЕМКИН

Жил Фомка
По фамилии Еремкин.
Раз пошел гулять он в лес,
На сосну большую влез.
Вот глядит Еремкин:
Не видать его избенки!
Вот головоломка —
Потерялся Фомка!

Ученица 3 класса, с. Усть-Иля.

Коля Коваленко

ПЕТУШОК

Петушок — красный гребешок,
Темно-красный животок,
Спинка золотая,
А хвосток — как цветок.
С ним не опоздаешь
Ты в школу никогда!

Ученик 2 класса, с. Акша.

Олеся Петина

НЕ РВИТЕ ЦВЕТЫ

Зачем мы рвем цветы?
Конечно же, для красоты.
Но никто не понимает,
Что потом с цветком бывает.
Цветок сорвал, поставил в вазу,
Расцвел цветок, конечно, сразу.
Но ты, мой друг, не понимаешь,
Как много сил он потерял,
Не для того под снегом белым
Он зиму лютую проспал,
Чтоб ты, ребенок озорной,
Цветочек маленький сорвал!

Ученица 6 класса, с. Улача.

Володя Судьин

МУРАВЕЙ

На опушке под кустом,
Где растет рябина,
Притаился муравей.
Звали его Гриня.
Шаловливый мальчуган
Целый день гуляет.
А под вечер муравей
На трубе играет.
Всех соседей распугал
Музыкантик маленький.
Лучше нам бы поиграл
Трубочист нахальненький.

Ученик 6 класса, с. Акша.

Алеша Сартаков

СМЕХ

Хоть смеялся я тише всех,
Но от смеха под парту съехал.
Потому что беззвучный смех —
Самый сильный из всех смехов.

Ученик 7 класса, с. Улача.

АЛЕШКИНЫ ВИРШИ

Сам Алешка пока писать не умеет, лет ему маловато. Всего-то шесть. Маму он просит "всеобязательно".

— Мам, напиши про Юлю!

— Мам, какие оладушки вкусные! Давай про бабушкины оладушки придумаем!

И начинает сочинять с помощью мамы, конечно. А там и папа, и сестра, и дядя Сережа приобщаются... Но выпускающий редактор, конечно, Алешка. И самый радостный чтец он!

КАЛОШИ

На ногах у Леши
Новые калоши.
Он идет по лужам,
Зонт ему не нужен.
Прохожие на улице
Калошами любуются.
Не промокнут ножки
У Алешки.

ВЫБРАЖУЛЯ!

Юля косы заплетала,
Красотулей Юля стала.
Платье новое надела,
Вот теперь другое дело.
"Хороша!" — сказала Юля.
Ай, да Юля — "выбражуля"!

ДРЕБЕЗГИ

Владимир Серебряков

ПОДАРОК

Семейную жизнь Квасницкого мы знали досконально, словно были не сослуживцами его, а соседями по коммунальной квартире.

— Вчера моя Герточка купила два десятка яиц. На завтрак мы ели чудесные гренки с яичницей, — говорит нам Квасницкий вместо "Здравствуйте!"

Герточка — его жена.

Однажды Квасницкий принес на работу тяжкую думу на челе. Никто так и не узнал, чем завтракали супруги в это утро.

— Что подарить? — бубнил он себе под нос, раскачиваясь на стуле из стороны в сторону и держась за щеку, словно у него болели зубы.

— У жены день рождения? — попытались мы выяснить причину мучительных раздумий.

Квасницкий поочередно прицелился в каждого из нас двояковогнутыми стеклами своего пенсне.

— Годовщина свадьбы. Пятнадцать лет мы прожили с Герточкой душа в душу. Через полтора месяца ровно пятнадцать лет…

Нам было завидно. Мы не были женаты, но понаслышке знали, что прожить пятнадцать лет с женой душа в душу приравнивается к 12 подвигам Геракла.

— О! Я подарю ей нейлоновую шубку! Герточка в ней будет просто очаровательна. А к шубке в придачу колпак "Робинзон Крузо". Это сейчас так модно.

Мы согласились, что подарок действительно стоящий, и жена его оценит.

Через неделю Квасницкий пришел туманнее февральского утра.

— Я чуть не сделал непоправимой ошибки… Дурак! Чем я думал? Робинзон Крузо! Хорошо, что посоветовался с подругой Герточки. Она объективна, совершенно независтлива и в курсе всех постоянных шатаний моды. Знаете, что она сказала?

Мы не знали, пока Квасницкий не огласил нам ее приговор.

"Нейлоновая шубка?" — фи… Скоро в них будут ходить даже ночные сторожа. А колпак? Ему через месяц-два дадут по шапке. Так что советую не торопиться".

Шубку решили заменить стиральной машиной.

С той энергией, какую развил Квасницкий, можно было достать десятки, сотни белок. Но обыкновенных: пушистых и с хвостом. А одна-единственная — стиральная "Белка" — не давалась в руки. Мы помогали как могли. В результате "беличьей охоты" Квасницкий получил невралгию и выговор за недобросовестное отношение к работе. Мы лишились премиальных за квартал.

Наконец, Квасницкий сознался в собственном бессилии.

В знаменательный день Квасницкий явился на работу ровно в девять, чего с ним давненько не случалось. Безмолвно опустился на стул и запричитал, как арабский дервиш.

Мы переглянулись. Квасницкий явно заговаривался. Бросились к телефону набирать 03, но Квасницкий жестом остановил нас.

— Скорая помощь не поможет. Там нет стиральных машин.

— Ну и плюньте вы на эту машину. Купите жене отрез на пальто.

— Подарите швейную машину…

— И маслобойку в придачу?..

— Оставьте меня в покое. Я знаю, что мне делать! — воскликнул Квасницкий.

Он пододвинул к себе стопку бумаги и сделал умное лицо.

Целый день мы ходили на цыпочках, а Квасницкий что-то черкал на бумаге, комкал листки и бросал под стол. Домой он ушел с одним листочком в кармане, но довольный.

Утром следующего дня неведомо какие крылья внесли Квасницкого в отдел.

— Вот что я подарил! — крикнул он с порога. В руке он бережно сжимал… открытку.

Мы столпились вокруг, сгорая от любопытства, стараясь разглядеть необычный подарок.

— Читайте, читайте! Нет, лучше я сам прочту. — И, став в позу чтеца-декламатора на районном смотре художественной самодеятельности, он прочел:

Если ты спросишь: "Люблю ли?"
Ответ будет краток, но точен!
Без пышных фраз-загогулин
Я нежно шепну тебе: "Очень!"

Он окинул нас победоносным взглядом и смущенно сказал:

— Герточка меня поцеловала!..

Мы скромно потупились.

Это не штука—получить от жены поцелуй за нейлоновую шубку или стиральную машину. А вот за открытку…

■

ПОЭЗЫ

Алексей Казанцев

* * *

Я не поэт, а хрен в горчице.
Наверно, так оно и есть.
Когда поют по-райски птицы
Мне так и хочется их съесть.
Когда гуляю в час досуга
И доведется проходить
Там, где цветы бегут по лугу,
Мне их не терпится скосить.
Когда идет блондинка мимо,
Сама гармония при ней,
Мысль промелькнет неуловимо:
"Наверно дуры нет дурней".
Когда в песке играют дети
И бьет ключом их чудо-жизнь,
Сквозит желание, как ветер:
"Скорей бы, гады, подрались".
Я идиот и не иначе.
Быть может, не в своем уме.
За то меня, от мира пряча,
Держали много лет в тюрьме.
И потому я стал хорошим.
Душа ликует и поет.
Людей люблю сильнее кошек.
Никто меня не узнает.

ПАСХА

Он был похожий на Чубайса,
Искал в помойке что поесть.
Собрал раскрашенные яйца,
Очистив с них кошачью шерсть.
На Черномырдина похожий
Вдруг подбежал к нему другой.
Крича, влепил ему по роже:
"Знай, гад, что этот ящик — мой".
Но тут похожий на Россию
В дымину пьяный шел поэт:
"За ящик драться некрасиво.
Вам повезло, что я не мент.
Обоих бы увез в кутузку
И больно-больно бил бы вас,
Как новый русский старых русских,
Пока б не выплатили штраф".

Александр Щукин

ПАРОДИИ

Ты взял меня, как раненую птицу,
ты десять лет лечил мое крыло, —
я вырваться пыталась, устремиться,
но — билась грудью
в мертвое стекло.
М. Мыльникова

Мой муж плохим хирургом оказался,
Он десять лет лечил мое крыло.
Души не замечал, любви боялся.
Ему со мной, увы, не повезло.
Я развелась, разбив сервиз и вазу,
Но вкус свободы горько опьянил.
Без мужика свобода — только фраза…
Мне хочется, чтоб кто-нибудь любил!

* * *

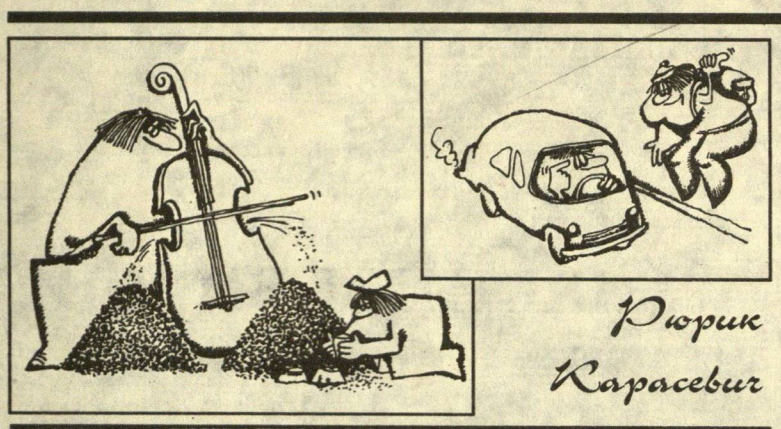
Ночь. Окно над мостовой.
Во хмелю — нестройный вой.
Дым табачный. Визг и гам.
Взгляд бесстыжий по ногам.
Дрожь захватанных телес…
А в окне — хохочет бес.
Ольга Коваленко

Как-то раз бесстыжий бес
В спальню вечером залез.
Я в хмелю, табачный дым…
Растерялась. Как мне с ним
Поступить порой ночной?
Дом большой, этаж седьмой.
Вот попала! Стыд и срам,
Взгляд нахальный по ногам…
Окна — настежь, визг и вой
— Муж лежит на мостовой.

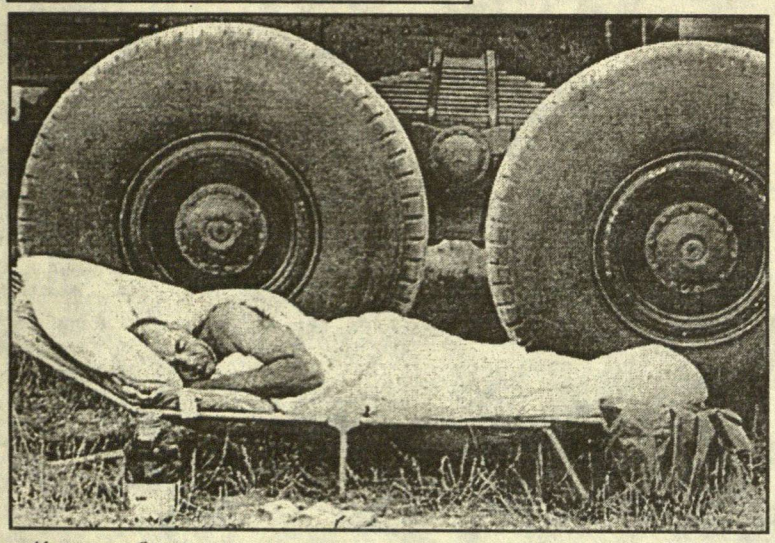
* * *

Ты с кавалером непутевым,
Что на морозе продержал,
Сама оденься попуховей
И жди, чтоб он теперь дрожал.
Он скажет: "Может разойдемся?"
А ты ему: "Нет, постоим,"
"На танцы, может быть, вернемся?"
Ты снова: "Нет, поговорим".
Когда же он весь посинеет
И зазвенит, как ледяной,
Скажи ему повеселее:
"Пожалуй, я пойду домой".

■

Рюрик Карасевич

И нет проблем… *Фото наше*

Сергей Забелин

МАССАЖ ПО ТЕЛЕФОНУ

Прихватило у меня спину. Ни согнуться, ни разогнуться. Радикулит. Стреляет, как Чингачгук при обороне красной яранги от бледнолицых.

Лежу в гостинице, газеты старые листаю. Попалось объявление: "Фирма "Белоснежка". Массаж для больших и маленьких гномов". И номер телефона.

При радикулите массаж — первое средство. Или кусок собачьей шерсти на поясницу. Но от мануальной терапии толку больше.

Звоню по указанному номеру.

— Насчет массажа, — говорю, — я правильно понял?

— В самую точку, — отвечает игривый женский голосок.

— Тогда присылайте специалиста. А то ни согнуться, ни разогнуться не могу.

— Не переживайте. Это со многими клиентами случается. Но дело поправимое. Наши девочки чудеса творят. Мертвого разогнут.

— Какие, — говорю, — девочки? Мне массажист нужен.

— Это мы вам гарантируем. Легкий эротический массаж с переходом в тяжелый секс, усугубленный алкоголем. Кстати, как ваш гном — большой или маленький?

— Нету у меня никаких гномов. Радикулит у меня.

— Тогда вы не по адресу обратились.

В трубке раздались короткие гудки.

Дело к вечеру. Лежу, скучаю. Хотя бы поговорить с кем. В городе знакомых нет. Вижу — объявление в газете: "Фирма "Интимный разговор". Только для мужчин старше 18 лет". И номер телефона.

Звоню.

— Хэлло, дорогой! — откликнулся игривый женский голосок. — Ты уже приготовился? В постельке?

— С утра валяюсь, — говорю. — В полусогнутом виде.

— Ах, милый! Какую интересную позу ты предпочитаешь. Я вся горю! Давай об этом побеседуем. Ты наши расценки знаешь?

— Какие расценки? У меня аппарат в гостинице входит в стоимость номера.

— Бесплатно, дорогой, разговаривай с дежурной по этажу!

В трубке раздались короткие гудки.

Ну вот, думаю, остался я без массажа и без душевного разговора. Да и проголодался — с утра крошки во рту не держал. В постели провалялся — радикулит окаянный. Стреляет, как Робин Гуд на турнире в присутствии Нотингемского шерифа. Вижу объявление в газете: "Фирма "Пикант". Аппетитные обеды после 20.00". И номер телефона.

— Какие, — думаю, — обеды после восьми вечера? Ужинать пора.

А кушать хочется — звоню.

— Мне, — говорю, — легкий ланч с переходом в тяжелый ужин, усугубленный алкоголем.

— Вы блондинок предпочитаете или брюнеток? — интересуется в ответ игривый женский голосок.

— Я блондинок, — говорю, — не ем. И брюнеток тоже.

— О, да вы большой шалун! — продолжает голосок. — Это вам обойдется несколько дороже. Назовите свой номер — я сию минуту перезвоню.

Через минуту, действительно, звонит.

— Специально для вас, — говорит, — предлагаем уникальный экземпляр. Лысая 14-летняя негритянка. Экзотика. Настоящая индийская "Кама Сутра".

— При чем тут "Кому с утра"? Мне вечером хочется. Прямо сейчас. Тарелку винегрета, двойные пельмени, большой кусок жареной говядины с тушеной капустой, чебурек, компот и два пива. Вы же обеды на ужин предлагаете… Телефон даете…

— Слушай, мужик! Если ты еще раз так пошутишь, пришлю пару-тройку ребят. Они тебе и телефон оборвут, и все остальное.

В трубке раздались короткие гудки.

Да, думаю, если в городе по телефону столько всего наслушаешься, то телевизор лучше совсем не включать. Такой вот блендомед без сахара!

■

«ЧИТА ЛИТЕРАТУРНАЯ»

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «Азия-пресс»
Тел.: 23-90-08, 23-88-16

Выходит один раз в месяц.

Зак. №1862

Набор и верстка
АО СТС г. Чита.

Печать в обл. типографии.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Леонид Аверьянов, Николай Березин, Александр Потяев, Михаил Вишняков, Георгий Граубин, Рюрик Карасевич (отв. секретарь), Игорь Портнягин, Вячеслав Толкалин